

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Библиотечка

ПО НАУЧНОМУ
СОЦИАЛИЗМУ

С. М. КИРОВ
МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД,
МЫ НЕСЕМ
СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ
ПРОЛЕТАРСКОЙ
БОРЬБЫ
В СВОИХ РУКАХ

ГОСПОЛИТИЗДАТ
1960

С. М. КИРОВ

МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД,
МЫ НЕСЕМ СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ
ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ
В СВОИХ РУКАХ

*Доклад на IV съезде Советов
Астраханской губернии
22 ноября 1919 г.*

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящий выпуск «Библиотечки по научному социализму» входит несколько произведений одного из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства — С. М. Кирова. В них рассматривается ряд важных вопросов научного социализма: о характере Октябрьской революции, ее особенностях и международном значении, о сущности Советской власти, о союзе рабочего класса и крестьянства, о формах классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, о значении революционной теории марксизма-ленинизма в преобразовании общества, о пролетарском интернационализме и др. С. М. Киров вдохновенно рисует социализм, как царство свободного труда, где жизнь основывается на новых общественных началах, благодаря чему во всю ширь развертываются творческие силы рабочих и крестьян. С большой любовью он показывает образ великого Ленина как вождя мирового пролетариата, человека и борца, как «огромного необычайного революционера».

*Редакционная коллегия
«Библиотечки по научному социализму»:*
**А. В. РОМАНОВ, А. М. РУМЯНЦЕВ,
И. В. ТРОПКИН, П. Н. ФЕДОСЕЕВ**

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ!

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ПРОВОЗГЛАШЕНИЮ
ВЕНГЕРСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 1,
26 МАРТА 1919 г., АСТРАХАНЬ

Товарищи! Когда вы слушали краткие телеграммы о тех событиях, которые развиваются в Венгрии, когда вы слушали приветственные речи наших новых товарищей и братьев по оружию, мне хотелось крикнуть вам: «Слышите ли вы треск разрушающегося буржуазного мира?» Мне хотелось спросить: «Видите ли вы ту необъятную пропасть, над которой стоят буржуазные государства?» Товарищи, многим из вас может показаться, что все то, что совершилось в Венгрии, упало на нас как снег на голову, многим из вас события в Венгрии могут показаться неожиданными, как они кажутся присутствующим здесь гражданам Венгрии и гражданам других стран буржуазного мира. Товарищи, думающие так, глубоко заблуждаются.

Для нас, коммунистов, то, что совершилось сейчас в Венгрии, было только вопросом времени, и мне хотелось подчеркнуть это в глазах наших братьев, бывших военнопленных. Вы помните, товарищи, что еще сравнительно недавно, когда вас, закованных в оковы империализма, гнали на братоубийственную бойню, мы еще в то время говорили, насколько имели к тому возможность, что буржуазный мир, затачивая кровопролитную войну, захлебнется в крови этой бойни. Вы, сбросившие сейчас оковы империализма, идущие под знаменем революционного социализма, на основе всего своего опыта, всех своих переживаний последних лет должны были если не вполне осознать, то во всяком случае почувствовать, что все те горести и несчастья, все огромные разрушения, которые буржуазный мир произвел на протяжении длинных четырех лет, что все это ни в коем случае не может пройти без наказания для буржуазного строя.

Вы видели, товарищи, как прогнивший до основания буржуазный мир наполнял кровью трудящихся полную чашу и подносил ее к своим жадным устам. Еще четыре года тому назад партия коммунистов говорила о том, что буржуазный мир совершенно неизбежно захлебнется в море человеческой крови, которая по его вине проливается. Мы тогда еще говорили, что это страшное состязание двух буржуазных коалиций ни в коем случае не может привести к окончательной победе той или другой стороны. Перед нами вырисовывалась только одна грядущая победа тех, кто, ослепленный буржуазией, шел на страшное кровопролитие, в которое ввергнул капитализм все страны мира.

Мы тогда говорили, что иного выхода из тех страданий, которые выпали на долю всех непосредственно захваченных войной, нет. Был только единственный выход — это революция трудящихся. Для нас, коммунистов, не подлежало ни малейшему сомнению, что вся эта страшная братоубийственная война является не чем иным, как предсмертными судорогами буржуазного строя. И весь вопрос заключался для нас в том, успеем ли мы до окончания войны сбросить буржуазные оковы и зажечь огонь пролетарской борьбы.

Весь вопрос сводился к тому, чтобы наша пропаганда идей коммунизма шла быстрее, чем развивались предсмертные судороги буржуазного мира. И вот то, что совершается сейчас, с неизбежной неуклонностью подтверждает, что оптимисты среди нас были, конечно, правы. Мы не скрываем, что еще много препятствий предстоит нам преодолеть. Мы не скрываем, что мы еще сравнительно далеки от нашей цели, что царство социализма, как бы ярко ни обрисовалось оно теперь на фоне борьбы русского и западноевропейского пролетариата, как бы ясны ни были те идеалы, в которые мы верим и во имя которых мы увлажняли кровью наши знамена, — мы знаем, что это царство еще не так близко.

Мы знаем, что впереди нам еще предстоит тяжелая и суровая борьба. Мы знаем, что в процессе этой борьбы нас ждут не одни блестящие победы, но и временные поражения. Но так или иначе, мы все же знаем, что курс на социалистическую революцию, взятый нами, — единственный и правильный, единственно возможный курс. Шестнадцать месяцев тому назад мы, которых в лучшем слу-

чае прославляли за наше безумство храбрости, и не больше, мы вышли в безбрежное море разбушевавшегося империализма почти совершенно одни. За эти шестнадцать месяцев в обстановке невероятных лишений и борьбы с буржуазным миром нас жестоко бросало из стороны в сторону. Были моменты, когда наша небольшая ладья почти опрокидывалась. Мы были почти накануне гибели, но, несмотря на это, выдержали все испытания, и теперь мы пересели с нашей ладьи на крепкий пролетарский корабль. Мы видим теперь, что на нашем корабле находятся не только русские коммунисты, имеющие опору среди русского рабочего класса. Вы видите, что Ленин является рулевым этого корабля, и мало-помалу спереди и сзади подплывают все новые и новые смельчаки и садятся на наш пролетарский победоносный корабль. И теперь для нас несомненно, что этот корабль взял шестнадцать месяцев тому назад единственно возможный и единственно победоносный курс. Однако я еще раз повторяю, товарищи, что, как бы ни было прекрасно настоящее торжество, как бы ни был важен момент, когда к нам присоединились новые наши товарищи — венгерцы, не надо забывать, что перед нами стоят огромные задачи. Об этих задачах говорили и предыдущие товарищи. И, какие бы формы ни приняла борьба, для нас не подлежит сомнению, что не сегодня, так завтра ближайшие соседи Венгрии, которые сейчас находятся еще под буржуазным гнетом и как будто готовы набросить петлю на молодую социалистическую республику, эти ближайшие соседи Венгрии прозреют, и наша социалистическая семья будет множиться не только с каждым днем и часом, но буквально с каждой минутой. Тем не менее мы должны твердо помнить, что наша напряженная борьба, наша энергичная пропаганда, которым так много препятствий оказывает умирающий буржуазный мир, что эта борьба и эта пропаганда должны не только не ослабляться, а должны усиливаться с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой нашего существования. Вы должны знать, товарищи, что как бы ни прогнил этот буржуазный строй, как бы ни было безотраднo его положение, но мы сейчас находимся перед самым трудным моментом. Мы отлично понимаем, что буржуазный мир смотрит в могилу, которую он сам для себя приготовил, мы ни на минуту не сомневаемся в том, что пролетарская мощь, которую мы со-

здали, в один прекрасный день раздавит буржуазный мир навсегда, но этот момент будет самым бурным и трудным. Этот момент будет моментом удачи и торжества при том условии, что удар будет нанесен в самое сердце буржуазного мира и если он будет нанесен усилиями пролетариата всего мира. Надо помнить, товарищи, что, как бы много ни было нас и как бы ни было мало наших непосредственных противников, за их спиной стоят культура и средства борьбы, накопленные целыми столетиями. И если в течение этих столетий миллионы и сотни миллионов людей держались в невероятном рабстве, то теперь, какие бы усовершенствования и ухищрения ни придумывались для подрыва все растущего могущества пролетариата, нужно помнить, что пролетариат всего мира уже объединяется в одну тесную семью и сможет стройными рядами войти в социалистическое отечество.

Мы должны так же неустанно, как и прежде, так же настойчиво и неусыпно продолжать вести свою пропаганду идеалов коммунизма. Вы видите, что наша пропаганда, которой буржуазный мир ставит всяческие препятствия, чтобы только заглушить наш мощный призыв, вы видите — эта пропаганда дает блестящие результаты. В настоящее время буквально нельзя указать ни одной стороны в нашей современной жизни, которую русская социалистическая революция в конечном счете не повернула бы в свою пользу. И вам, товарищи военнопленные, о жизни которых, быть может, не подозревают ваши родные, которых, быть может, уже оплакали матери и жены, вам я скажу, товарищи, что вы здесь не чужие. Перенося невероятные лишения, испытав невероятное горе и несчастья, вы в конце концов получили непосредственную возможность приобщиться к тем светлым идейным лозунгам, которые написаны на этих красных знаменах. Вы видите также, что там, где буржуазное влияние особенно сильно прососалось в пролетарскую среду, там, где буржуазный мир захватывает не только силу, но и душу пролетариата, — даже и там наша социалистическая пропаганда, наше дело завоевания социализма находит свой отклик, свою собственную опору. Если вы помните, товарищи военнопленные, ваш вождь, комиссар по иностранным делам товарищ Бела Кун², научился революционной борьбе и воспринял идеи коммунизма, живя в нашем российском социалистическом отечестве.

Какое бы горе мы ни испытали, товарищи, какие бы лишения и несчастья мы ни пережили, в конечном счете мы нашли свое счастье. Еще раз повторяю вам, что, как бы ни старался издыхающий буржуазный мир воспрепятствовать нам в наших завоеваниях, какие бы преграды ни ставил, какие бы обвинения ни высказывал по нашему адресу, какие бы ужасные бури ни ожидали нас на нашем океане, — наш корабль достаточно прочно забронирован и пройдет через все препятствия.

К нам будут примыкать все новые и новые силы, и близок час, когда мы пойдем вперед, имея в своих рядах представителей уже нескольких народов. Не пройдет много времени, как в этом же зале соберутся представители всех мест, где только живет человеческая душа. Для того чтобы этот счастливый момент настал возможно скорее, нам необходимо объединиться с нашими новыми союзниками, которые не за страх, а за совесть пойдут с нами рука об руку. Пусть и они чувствуют, что нам нужно не только пополнять свои ряды, но нужно слить воедино наши сердца и души, и пусть отныне, с момента возникновения Советской власти в Венгрии, Советская Венгрия и Советская Россия будут представлять собою единое тело трудящихся, в котором будет биться единое пролетарское сердце. Только при этом условии мы действительно сможем осуществить тот союз, который нам предлагают наши новые братья, только при этом условии мы можем с новой силой поднять всесокрушающее оружие и натиском новых сил присоединить к своим рядам также тех, кто, к великому несчастью, еще придерживается союза с буржуазией и думает до сих пор, что социализм — это фантазия и что социалистическая революция в данный момент есть не что иное, как каприз, а не неизбежный закон истории, ведущий к неизбежному крушению государства эксплуататоров и созданию нового отечества трудящихся. Итак, товарищи, да здравствует единение русских коммунистов с коммунистами венгерскими, и пусть этот новый союз явится новым залогом к тому, чтобы он на деле осуществил величайший лозунг, провозглашенный нами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». (Продолжение.)

МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД, МЫ НЕСЕМ СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В СВОИХ РУКАХ

ДОКЛАД НА IV СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ
АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
22 НОЯБРЯ 1919 г.

Товарищи! Когда мы начинаем вспоминать о сказочном превращении нашего отечества, о котором только что говорилось, в нашей памяти воскресают картины прошедшего за эти два года. Рисуетя мрачная ночь, окружавшая тогда не только Россию, но и весь земной шар, когда в воздухе, насыщенном ядовитыми парами империалистической войны, в нашем красном Петрограде взорвалась первая бомба коммунистической революции.

Дальше рисуется картина того, как сильные мира сего, представители империалистических стран, реагировали на наше выступление. Сначала они не посчитали начинающуюся революцию делом серьезным. Они рассудили так: Россия нарушила империалистический концерт, она перестала подчиняться капиталистическим законам и подняла бунт против всех царей и самого бога. Учитывая это, прежде всего они отозвали своих послов, оставив вместо них консулов. Они думали, что этого будет достаточно, чтобы напугать молодую Россию, — она опомнится и призовет к порядку разбушевавшиеся силы революции. Но, когда рабоче-крестьянская Россия ударила во все свои колокола и пламя коммунистической пролетарской революции стало распространяться по всему лицу нашего отечества, они решили перестать разговаривать с Россией. И скоро консулы, остававшиеся вместо послов, выехали из Петрограда и Москвы в те места, где устраивали свои заговоры белогвардейцы.

Но это еще в большей степени ожесточило революционное сердце России. Этими действиями империалисты лиш-

ний раз подчеркнули трудящимся России и тем, которые находились у руля государственного корабля, что между нами и буржуазией нет ничего общего: именно в тот момент, когда все честное — все, у кого руки были в мозолях и душа изнывала от векового рабства, — становилось под знамя революции, — в этот момент правительства так называемых союзных стран холодно и жестоко отвернулись от нас. Это был для нас лучший агитационный козырь. Мы сумели внедрить основы советской политики и наших стремлений в умы и сердца самых отсталых слоев населения. Но, так или иначе, все эти приемы империалистов не привели ни к чему: бушующие волны вздымались все выше и выше, и наконец мало осталось даже деревень, где бы не было отблеска начавшейся рабоче-крестьянской революции.

После того как «благородные», в буржуазном смысле этого слова, приемы удушения революции оказались безнадежными, империалистические страны решили применить исправительные приемы. Они решили поставить Россию вне своих буржуазных законов, вне человеческого общежития. Это, по их идеологии, вполне допустимо. Против нас началась не дипломатическая, а самая настоящая вооруженная империалистическая война. Я не имею возможности и времени возобновить в вашей памяти все этапы борьбы, которые прошли перед вами. Но я думаю, что у каждого из вас имеется достаточно материалов, чтобы сказать, что вся Европа хорошо продумала те планы, которые она хотела применить по отношению к России. Все необходимое для борьбы с революцией предоставлялось нашим белогвардейцам. Началась борьба не на живот, а на смерть. Первое время казалось, что борьба идет с переменным счастьем. Были минуты, когда многим казалось, что наше дело безнадежно, так как против нас восстал весь буржуазный империалистический мир. Против России объединились два смертельно враждующих лагеря, которые до этого вели между собой грабительскую войну.

Простой расчет как будто показывал, что если те страны, которые разрушили Германию и стерли с лица земли целый ряд второстепенных государств, объединяются на одной мысли — победить Россию во что бы то ни стало, то это дело обеспечено. Всякому человеку, который не выстрадал революцию в прошлом, казалось, что положение безнадежно.

Но, поднявши знамя борьбы, рабоче-крестьянская власть продолжала смело, неуклонно и твердо шествовать вперед. В процессе этой героической борьбы мы наблюдаем поразительные картины. Мы устанавливаем, прежде всего, на первый взгляд парадоксальные обстоятельства. Оказалось, что перед современными капиталистическими странами не может устоять ни одно буржуазное государство, которое так или иначе нарушает законы буржуазного общества. Даже сама Германия, которая мобилизовала все свои огромные средства, все свои силы и волю на то, чтобы выйти из войны победительницей, — эта самая Германия оказалась побежденной. Но вот явилось государство почти беспомощное, которое едва сделало несколько первых шагов на своем новом пути, но оно пропитано коммунистическими идеями, — и это вооружение, этот коммунистический панцирь оказался столь надежной защитой, что вот уже в течение долгих двух лет мы успешно ведем войну на всех фронтах. И в настоящий момент не найдется здорового человека, который мог бы сказать, что наша рабоче-крестьянская власть безнадежна. Я думаю, такого человека нет не только у нас в России, но и за пределами нашего молодого коммунистического отечества. Мы все чаще и определеннее слышим о том, что Россия действительно крепнет и становится подлинно рабоче-крестьянским государством, с которым не только шутить, но и воевать невозможно.

Мы видим, далее, удивительные картины. Мы видим, что все государства Европы заключили «священный союз», чтобы из общей чаши хлебнуть крови рабочих и крестьян России. Мы видим, что этот союз заключен с тем, чтобы применить к Советской России последнее средство — международную блокаду. Они думали, что мы изнемогаем под натиском голода и нужды, они рассчитывали ударить по самым больным местам неокрепшего государственного организма и тем его задушить.

Но оказывается, что нужно было всего несколько недель после объявления этой блокады, чтобы стало понятно, что это последнее средство было лишь последней вспышкой отчаяния мирового империализма. Об этом свидетельствуют все последние события. Оказывается, что торжественно объявленная блокада в настоящую минуту, когда мы беседуем, уже не имеет никакого веса ни в наших глазах, ни в глазах тех же европейских империалистов.

Вы читаете уже сообщение, что самый ловкий и опытный по удушению революции человек — Ллойд-Джордж³ — думает о том, чтобы прекратить блокаду и начать новые разговоры с Россией. «Зараза» наша настолько заполняет умы трудящихся Европы, что Ллойд-Джордж понимает — лучше создать какую-нибудь отдушину, чем последовать по пути Советской России. Не лучше ли, — говорит он, — «придумать какие-нибудь новые острова, не такие далекие, как острова Принцевы, выбрать более просвещенное место и там попробовать поговорить с Советской властью?»

Мы и прежде — совершенно искренне заявляем — хотели говорить с ними, и теперь мы не потеряем ни одной минуты, чтобы пожаловать в этот «народный» парламент. Мы поищем в забытых буржуазных сундуках фракки, сюртуки и белые перчатки, которые так необходимы для них, для этих просвещенных людей, оденем в них несколько человек, которые владеют языками «культурных» народов и которые сумеют высказать те мысли, которыми мы горим вот уже несколько лет. Вместе с ними мы можем также одеть и пару хороших рабочих и крестьян и послать их в этот самый «просвещенный» дипломатический парламент. Там мы сумеем поддержать свое достоинство, быть может, не столько в глазах Клемансо⁴ и Ллойд-Джорджа, как в глазах тех рабочих, которые достаточно осознают сейчас создавшееся положение. Я даже думаю, что, прежде чем мы сумеем встретиться с «лучшими» представителями западноевропейского общества, именно западноевропейскому пролетариату мы расскажем, зачем мы приехали в просвещенную Европу и почему мы приняли предложение приехать.

Если бы это действительно вышло так, это было бы таким же новым нашим успехом, как и то, что было в первые дни революции. Если тогда буржуазная Европа сделала огромную ошибку, то сейчас она сделает следующую и последнюю ошибку: мы только и ждем того случая, когда нам дадут возможность изложить все наши программы, надежды и чаяния. Мы сумеем это сделать так отчетливо, ярко и определенно, что западноевропейский пролетариат после нашего, хотя и кратковременного, пребывания в этой самой Европе кое-что поймет. Такие опыты уже были. Однажды мы получили возможность провезти т. Радека в Германию, и, вероятно, вы не забыли,

что получилось в результате его кратковременного пребывания там. Но откуда же такая растерянность международной буржуазии? Ответ простой: все дело в том, что в течение двух лет гражданской войны Западная Европа испробовала всю мощь империалистов для того, чтобы подавить рабоче-крестьянскую революцию. Они сделали все, чтобы задавить все живое, все жизнеспособное, что еще у нас сохранилось. Но как много они ни хлопотали, рабоче-крестьянская Россия не только теперь не умирает, но и крепнет с каждым днем.

Буржуазия проявляет огромную поспешность и торопливость. Дело доходит до того, что в Кисловодске, например, по газетным сведениям, праздновалось взятие Москвы. Со смехотворными подробностями описывалось это событие (существовавшее только в воображении журналистов), вплоть до описания выражения лица Деникина. Подобные же сведения распространяются и в Царицыне и в других городах белогвардейскими газетами.

Но наряду с этими шутками там же, в лагере белогвардейцев, совершаются вещи, которых не могут не чувствовать осязательно представители западноевропейской буржуазии. То, что происходит сейчас на Южном фронте, имеет решающее значение. Я думаю, что особенное значение этих событий заключается в том, что они как раз совпадают с тем, что совершается сейчас в Западной Европе. Рассыпаются все планы, разрушаются все надежды, которыми живут западноевропейские империалисты. Еще так недавно мы изъявили желание начать мирные переговоры с прибалтийскими государствами (когда наши дела на Южном фронте и под Петербургом еще не были достаточно надежными). Но вот атмосфера стухнула, и эти соседние государства не пожелали с нами разговаривать; переговоры не состоялись. Однако, как только мы отбросили белогвардейцев от Петербурга, как только мы двинулись вперед по всему Южному фронту, настроения переменились. Теперь сильные мира сего рекомендуют нашим соседям вступить с нами в переговоры. Именно теперь, когда увидели, что вторая карта бита и что заменить адмирала Колчака генералом Деникиным нет никакого резона, они увидели, что с нами нужно разговаривать.

Время не ждет, и не только у нас, но и там, у них дома. Не только мы стремимся к тому, чтобы возможно скорее хотя бы несколько отдохнуть и взяться за настоя-

щее государственное дело — дать образцы государственного строительства на новых началах, — нет, нетерпением горит и буржуазная Западная Европа.

Так каждый день, час и минута дороги им потому, что в этот самый момент у них на родине начинаются те же процессы, которые происходят у нас уже давно. Оказалось, что народ там настолько заразился нашими идеями, что когда им указывают на необходимость чинить дыры империалистических одежд, то голодные рабочие, вернувшиеся с фронта, и рабочие, остававшиеся у себя на родине, знать ничего не хотят. Оказывается, что даже те рабочие, которые еще так недавно были изрядными патриотами, переменялись: вместо того чтобы наслаждаться благами своего отечества, они обращают лицо в нашу сторону и начинают выбрасывать из своей головы всю ту буржуазную политическую ерунду, которую им так долго вбивали в головы. Рабочие и даже крестьяне этих государств начинают усваивать рабоче-крестьянскую политику. И даже в Америке, несмотря на то, что Америка является образцом сильнейшего капиталистического государства, — и там рабочие выходят из повиновения. Просвещенные министры Европы напрасно старались отвлечь внимание от России. Рабочие достаточно зрячи, чтобы убедиться, что страны капитализма стоят на почве безнадежно прогнившей. И, чтобы ослабить революционные настроения своих рабочих, руководители капиталистических стран решили созвать международный съезд рабочих, на котором-де будут решаться основные вопросы, стоящие перед рабочим классом. Достаточно сказать, что одним из главных пунктов этого международного съезда рабочих является защита беременных женщин, работающих на фабриках. Но получилась злая ирония: оказалось, что, когда открылся этот «рабочий парламент» в Вашингтоне, на нем не оказалось представителей рабочих Соединенных Штатов Америки, тогда как есть представители целых 36 держав. Рабочие Америки не могут даже выбрать время явиться на съезд, они не находят времени явиться и на фабрику, которую раньше посещали так аккуратно. Оказалось, что они ведут жесточайшую забастовку и ничего не хотят слышать, кроме лозунгов, выкованных в России: «Никаких международных рабочих конгрессов, созданных по инициативе грабителей. Мы хотим настоящего, полного, «русского» вмешательства в производство. Мы желаем

держат в своих руках все производство». Теперь американские рабочие говорят, что желают быть хозяевами тех недр и предприятий, которые питают все современное человечество. Вот какими настроениями живет рабочий Соединенных Штатов. Можно легко себе представить настроение буржуазии Соединенных Штатов. Положение затруднительно. И если в первое время революции мы чувствовали себя одинокими и думали, пожалуй, что нужно отодвинуть дело осуществления Советской власти за нашими рубежами еще на несколько лет вперед, то не в лучшем положении находится сейчас западноевропейская буржуазия. Она должна большую часть внимания уделить своим домашним делам, а то, может быть, случится и так, что, гонимая за Советской Россией, не заметишь, как у тебя на родине случилось что-нибудь худое. Находящейся в затруднительном положении европейской буржуазии не остается ничего другого, как попробовать применить к нам иную политику.

Но это еще не все. Не только рабочие бунтуют. Самая «надежная» часть населения Западной Европы тоже перестает быть надежной. Крестьянство во Франции (столь мелкобуржуазное, что нам его всегда ставят в пример), которое было настолько благонадежно, что почтенные буржуа им смело могли гордиться, — среди этого крестьянства дело дошло до того, что самому Клемансо приходится очень и очень плохо. В парламенте он заявил, что больше «не желает» быть депутатом, демонстративно заявил, что «желает отдохнуть». Оказалось, что не только рабочие не запуганы, но что и крестьяне восстановлены против него. Оказалось, что и французское крестьянство прониклось той же самой идеологией, что и наши «лапотники», и устами своих делегатов говорит примерно те же фразы, что говорили мы в Октябрьские дни. У них появились те же лозунги, что и у наших крестьян.

Точно такое же положение наблюдается и в Англии. Едва ли кому-нибудь десять лет тому назад могло прийти в голову, что та самая Англия, народ которой дисциплинирован так, как не были дисциплинированы солдаты в царской армии, впадает в то состояние, которое иначе как «анархическим», с точки зрения буржуазной, назвать нельзя.

Вот, товарищи, приблизительно, какие моменты характеризуют сейчас состояние дел в Западной Европе.

Я повторяю, что если вы все сказанное мной продумаете, то по чистой совести должны сказать, что положение Клемансо и Ллойд-Джорджа тяжелое и может показаться даже безвыходным.

Если мы в минуты наших поражений все-таки гордо и высоко держим голову, если мы сохраняем свое революционное спокойствие в тяжелое время, то ведь там, товарищи, дело иное. *Мы идем вперед, мы несем священный огонь пролетарской борьбы в своих руках. Наши силы все прибавляются...* Но тот лагерь — лагерь капитализма... В нем положение такое, что все настоящее покрыто мраком. Впереди же огонь революции, кровь гражданской войны и жалкие трупы «благородных» буржуазных порядков. Все, что у них есть, — все в прошлом. Каждое движение вперед подрывает у них новые и новые опоры. Каждая неудача омрачает ум и обливает кровью буржуазное сердце. *Их мир погибает. И на смену идет новая жизнь, идут новые люди.*

То, что мы собрались на наш торжественный съезд и завтра будем творить наше трудовое рабоче-крестьянское дело, доказывает еще раз, что наше дело правое. Среди нас нет тех, кто может допустить такое сомнение хоть на минуту. Что мы взяли верный курс и стоим на правильном пути, в этом нет ни малейшего сомнения. Правильно созданная организация дает нам новые революционные силы, и творчество все больше и больше поднимает нас. На той стороне этого нет. Там растерянность. Жалкие враги находятся в тяжелой обстановке, и мы можем, товарищи, смело, положив руку на сердце, сказать, что, быть может, рабоче-крестьянская Россия никогда еще не переживала такого счастливого и многообещающего момента, какой мы переживаем сейчас. У нас новые силы, новые горизонты и новые надежды.

Всего несколько недель тому назад противник готовился уложить в могилу нашу Красную Армию, но последние дни доставляют нам все новые и новые радости. Не успели мы взять Омск, этот центр Западной Сибири, как полчища Колчака отскочили на восток еще на 75 верст. Я думаю, что не сегодня-завтра наши части окажутся в городе Томске — в другом крупном центре Сибири. Несмотря на все старания и хлопоты международного капитала, от Колчака не остается ничего. То, что происходит на петербургском фронте еще радостнее

Жалею, что сюда не может явиться представитель армии Юденича, чтобы рассказать, что там творится. Там было сконцентрировано все, что только могли собрать белогвардейцы. Теперь же там идут переговоры о том, чтобы как-нибудь безболезненно белая армия могла интернироваться в одном из прибалтийских государств. А если это им не удастся, то несомненно мы им «поможем» найти такое место, которое повергнет их в полный покой. Не буду об этом много говорить. Достаточно только вам знать, что для того, чтобы следить за положением дел на Южном фронте, нужно делать, по крайней мере, два доклада в день: один утром, а другой вечером. Так быстро меняется там обстановка.

Во всяком случае можно не только с полным спокойствием, но и с сознанием своей рабоче-крестьянской гордости сказать, что главная опасность нами несомненно преодолена. Если несколько дней тому назад мы говорили, что там был перелом, то теперь мы можем утверждать, что, взяв Курск, мы идем вперед твердо и неуклонно и повсюду уничтожаем белогвардейскую силу. Не пройдет много времени, и нам поможет не только наша сила, но и сама природа своими морозами, и мы прижмем Деникина к тем самым житницам Юга, без которых мы жить не можем.

Я желал бы, чтобы мобилизация наших рядов не теряла ни на одну минуту своей силы и напряжения. Деникин не разбит окончательно. *А разбить его нужно скоро, беспощадно и без остатка.* А это можно сделать только тогда, когда власть ни на минуту не будет колебаться, когда нас не будет покидать ни на мгновение наше желание победить. Пусть завтра будет взят Харьков, но пусть ни у кого не закружится от этого голова; пусть он помнит те огромные задачи, которые стоят перед ним, и не теряет своего коммунистического рабоче-крестьянского достоинства.

Мне хотелось бы отметить перед вами, представителями деревни, что гражданская война особенно тяжело отражается на ваших спинах. Это знают те, в чьих уездах побывали белые; но и те, у кого они еще не побывали, могут из разговоров с другими убедиться в том, что несет нам промедление и затяжка гражданской войны.

Напрасно думают, что наша задача — возможно больше уничтожить врагов. На нас, коммунистов, часто

клеветают, что мы не ценим человеческой крови. Это неправда. Это гнусная клевета. Мы свято чтим человеческую кровь. Я хотел бы, чтобы вы указали мне таких представителей политических партий или групп в России, которые решились бы утверждать, что они ценят и любят рабочих и крестьян больше, чем партия коммунистов. По этому поводу говорит один видный белогвардейский деятель: «Громадную ошибку сделали мы, когда сказали, что коммунисты не патриоты»; и дальше: «Никто не страдает так за русский народ, как партия коммунистов». Я чувствовал, читая эти строки, всю злобу этого буржуазного писаки, который пересчитывал все партии и не мог остановиться ни на одной из них. «Только большевики могут близко, непосредственно воспринять интересы рабочих, крестьян и всех трудящихся».

Если многим из вас до сих пор еще не совсем точно и ясно вырисовывается программа партии коммунистов, если вам слово «коммуния» кажется ужасным, то это происходит больше потому, что вы, подобно человеку, вышедшему из темноты на яркий свет, кажетесь слепцами.

Никто не должен и не может бояться слова «коммуна». Боязнь эта происходит только потому, что еще недостаточно понято это слово.

Итак, если еще вчера мы могли ругать и громить Советы, то теперь только в Советах рабочих, крестьян и солдат мы видим свою надежду и только теперь мы можем творить свою жизнь.

Я думаю, что второй год нашей нечеловеческой борьбы достаточно ясно, яснее всяких слов говорит, что мы действительно сильны и непобедимы и что если вам пришлось устать от гражданской войны и вы ждете ее окончания, то вы должны сделать еще один шаг: вы должны закрепить непосредственной тяжелой борьбой твердое существование Советской власти.

В заключение мне хотелось бы вам напомнить один обычай кавказских мусульман. Когда они обещают выполнять данное слово не на жизнь, а на смерть, они вскрывают на руках кровеносные сосуды и выпивают из них по несколько капель крови. Этот союз считается кровным, и заключивших его считают братьями больше, чем родившихся от одной и той же матери. Мне хотелось бы, чтобы рабочие и крестьяне заключили в это время такой

священный союз. Но помните, товарищи, что если у кого-нибудь из вас содрогнется сердце от тех жертв, которые мы приносим, то я могу сказать: «Чтобы избежать в будущем подобных жертв, крепите ваш священный рабоче-крестьянский союз так, чтобы он был действительно неразрывен». Если вы сумели начать молиться новому богу, слова которого написаны на нашем красном знамени, то безропотно и смело идите под это красное знамя. И если оно позовет вас сегодня пролить еще новые потоки крови врагов рабочего класса, то сделайте это, ибо в противном случае вам тоже придется проливать кровь, но уже братскую кровь рабочих, под угрозой казацких шашек, которые до сих пор еще висят у нас над головой.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 78—88*

**МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ,
ПЕРВЫМИ ВСТАВШИЕ НА ПУТЬ
ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ,
ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА**

**ДОКЛАД НА УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ
ГОРСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
18 АПРЕЛЯ 1921 г.**

Товарищи! Для того чтобы подойти к осуществлению той задачи, которая стоит перед вами,— к созданию новой формы управления, для того чтобы дать основные директивы, основные указания той новой власти, которую вам предстоит избрать на этом съезде, для этого необходимо прежде всего дать себе более или менее точный и ясный отчет во всем том, что происходит сейчас по всей Российской республике. Тут нужно подходить к делу без всякого лишнего теоретизирования, а просто, прямо, неосредственно.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ УСТАНОВЛЕНА ТВЕРДО

Скрывать не буду: всякий приехавший сюда из своей станции, аула знает, что среди населения много идет разговоров на тему о том, что Советская власть — такая власть, которая за собой особой прочности не чувствует, что очень легко может случиться так, что Советская власть будет сброшена,— в этом направлении ведется агитация среди чеченцев, путают казаков, работают злые языки среди всех народностей Горской республики. Вокруг всякого вопроса, который имеет то или иное политическое значение, создаются сплетни на тему о прочности Советской власти.

Я не буду говорить о том, что происходит в вопросе о так называемом «переселении казаков». Присутствующие здесь казаки об этом знают. Казакам говорят, что

центральная Советская власть не только приостанавливает дальнейшее выселение, но будто бы намерена обратно вселить казаков, которые выселены из Сунженской линии. С другой стороны, говорят чеченцам, что всякий из вас, который рискнет переселиться в станицу, который по своей воле это сделает,—этот человек рискует своей головой, что не сегодня-завтра власть перевернется и придется жестоко поплатиться за самовольный захват казачьей земли. Об этом говорить будет специально. Я сейчас напомнил об этом, чтобы лишний раз показать, какая масса разных слухов распространяется в целях подрыва Советской власти.

Здесь, на этом ответственном Учредительном съезде, надо поставить вопрос прямо. Если действительно с прочностью Советской власти дело обстоит не совсем благополучно, нужно призвать все честное, всех, кто идет не за страх, а за совесть за Советскую Россию, чтобы организованно, единодушно выступить на укрепление и защиту рабоче-крестьянского государства. А если дело этого не требует, то можно сказать, что мы можем спокойно приступить к нашей созидательной работе.

Естественно, что, живя в аулах, в далеких ущельях, куда не заглядывает никто из центра, куда не попадают газеты,—а если попадают, то часто некому их прочитать,—население питается рассказами шептунов, которым нет другого дела, которые тем только и занимаются, что распространяют всякий вздор.

Для всяких слухов почва у нас в горах чрезвычайно богатая, и мы знаем, что в сравнительно недавнем прошлом приходилось сталкиваться с такими последствиями наплетываний и слухов, из-за которых лилась человеческая кровь, так как люди были одурачены всяким вздором.

Сейчас мы переживаем такой момент, когда можно говорить о совершающемся в стране совершенно открыто, не надо быть особо сдержанным, как это было года полтора тому назад, когда приходилось не всегда все говорить, чтобы население не особенно пугать, чтобы оно не теряло веры в правоту и надежды на успех нашего дела.

Теперь ничего этого нет.

Вы знаете, что несколько месяцев тому назад мы закончили последний этап гражданской войны, борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Побили Вран-

геля и всех тех, которые претендовали на власть в России, далеко выбросили их за пределы государства. И сейчас у нас, если не считать мелких, едва заметных на территории громаднейшего государства вспышек, можно сказать, что у нас руки совершенно, в полном смысле слова, развязаны. Мы чувствуем себя как власть особенно прочно, настолько прочно, что можем совершенно спокойно кому угодно рассказать, вывернуть на какую хотите изнанку все, что имеем сейчас, и все то, что делается сейчас в рабоче-крестьянском государстве. Мы знаем, что население настолько сроднилось с Советской властью, а мы настолько научились управлять государством, что полная откровенность для нас решительно нестрашна. Мы теперь и на местах и в центре всему населению, в том числе и вам, определенно заявляем, что рабоче-крестьянская власть в России — это не случайность, она не явилась в результате случайно выигранной войны или в результате неоконченной борьбы, которая еще может завтра повернуться иначе. Нет, — *это настоящая, твердо установившаяся государственная власть.*

Если мы полтора-два года тому назад зывали к нашим окраинам, к тем или иным областям, объясняя, что мы-де в таком-то тяжелом положении, звали прийти на помощь и так далее, то теперь мы этот язык оставили и со всеми этими уговорами покончили; теперь мы определенно и твердо говорим, что власть рабочих и крестьян в России это есть *подлинная государственная власть, поддерживаемая миллионами населения, это — власть, которая имеет в своем распоряжении достаточно многочисленную и хорошо организованную Красную Армию.*

И со всяким, который независимо от племени, национальности, языка и состояния встанет хотя бы в малейшее противоречие с интересами рабочих и крестьян России, государственная власть поступит как с врагом рабочих и крестьян.

И разговариваем мы таким тоном и языком не только потому, что мы чувствуем себя прочно, а еще и потому, что у нас слишком много государственных задач и вопросов, которые стоят перед нами. Сейчас всякий день, всякая минута нам дороже, чем все то золото, которым располагает наша Республика, и нам, выражаясь грубо,

церемониться не приходится. Мы слишком бедны и слишком заняты; поэтому там, где рабоче-крестьянская власть встречает сопротивление, мы действуем решительным ударом и это сопротивление устраняем и впредь будем устранять точно такими же приемами, ибо иначе действовать у нас нет ни времени, ни возможности.

Как бы ни считали вас отсталыми, вы должны знать и понимать, в каком положении может оказаться государство, которое ведет в течение почти семи-восьми лет войну.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ ПРИВЕЛИ К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НЕУРЯДИЦЕ И ТЯЖЕЛОЙ НУЖДЕ

Вы знаете и помните, что международная война много миллионов людей поставила под ружье, отобрала все, что было в государстве, все живое и мертвое — все было двинуто на фронт. И в конечном итоге все, что было создано трудами поколений, было погублено самым безжалостным образом. Миллионы человеческих жизней загублены, загублено несметное количество всяких материальных богатств.

Это было в стране, которая и до того времени далеко не отличалась особым избытком продуктов промышленности, сельского хозяйства и прочего.

Дальше наша страна вступает в период революционной борьбы; снова начинается уничтожение.

Каждый из вас видел, в какие беспощадные формы выливается гражданская война, сопровождающаяся уничтожением всяких материальных благ и средств.

Вы знаете, сколько аулов сравнены с землей. Вы знаете, какое количество станиц приведено в печальное, распатанное состояние. Вы знаете, что на железных дорогах нет ни одного нетронутого места, где бы все не расхищалось или не уничтожалось. В период гражданской войны всякий хозяин не следил уже, чтобы все в хозяйстве было в порядке, чтобы умножалось, а не расхищалось его добро,— об этом не думали, а всякий думал о том, как бы сохранить свою голову и как бы поудачнее побить своего противника. Вот какой философией руководствовался каждый гражданин в период гражданской войны.

Естественно, когда ставится вопрос о жизни или смерти,— человек не щадит ничего, он ставит на карту все, вплоть до своей жизни, чтобы выйти из борьбы победителем.

И вот три с лишним года мы вели такую борьбу. Естественно, наше государство за это время понесло очень тяжелые потери.

Не нужно скрывать,— нужно сказать прямо, что мы сейчас находимся в состоянии ужаснейшего обнищания, ужаснейшей нужды во всех отношениях. У нас нет самого необходимого, самого насущного, что в мирной обстановке может понадобиться на каждом шагу. Сейчас вы многих необходимых вещей не найдете не только в селах, аулах, но даже и в городах. Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь ту картину, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно выйти за водой, то объявляется, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила,— им нечем было прикрыть свою наготу.

Вот до каких пределов дошла наша рабоче-крестьянская Россия, нуждаясь в самом насущном, необходимом.

Это положение сейчас, по окончании гражданской войны, раскрылось перед нами во всей своей наготе.

Таким образом выходит, что на внешнем фронте мы чувствуем себя совершенно обеспеченными людьми. Нас теперь никто не беспокоит, и будем надеяться, что никто и не осмелится беспокоить.

Но создается другой фронт — фронт экономической неурядицы и хозяйственной нужды.

Если дагестанская женщина должна искать случая для того, чтобы, пойдя за водой, не быть под угрозой пытливого и не совсем целомудренного взгляда какого-нибудь молодца, то наши рабочие в России чувствуют себя плохо в другом отношении: временами бывает решительно нечего есть.

Здесь помимо общих причин, следствия жестокой войны, сказывается и то, что население огромной России, многие миллионы людей далеко еще не целиком втянуты в интересы рабоче-крестьянского государства. Некоторые смотрят еще так: лишь бы у меня в Ардоне было хорошо, а что будет в Иваново-Вознесенске, то это меня не касается. Бывает также вот что: когда нам нужно что-

нибудь просить у государства, то оказывается нас полмиллиона, а когда заходит речь о том, чтобы помочь государству, предупредить от голодной смерти московских рабочих, оказывается у нас населения не полмиллиона, а только двести тысяч. Это говорится не в виде упрека. Нужду государства надо почувствовать. И если посмотреть ту Красную Армию, которая вчера проходила перед вами такими стройными рядами, когда вы вскрыете душу этой армии, то увидите, чем болеет рабоче-крестьянская армия. И если посмотрите в сердце красноармейца, вы в нем прочтете, что вместе с мужественной стойкостью, которая поражает каждого из людей, это сердце наполнено огромнейшими страданиями. Подчас буквально гибнут колени под тяжестью той ноши, которую несут на своих плечах наши красные бойцы. Наша эмблема — красное знамя, которое видим всюду — не только кусок ткани красного цвета, нет, это знамя буквально насыщено кровью, и нужно быть слепым, чтобы не видеть, как с него широкими ручьями льется настоящая человеческая кровь.

Таково наше положение. В то же время мы не только хотели бы, чтобы интересы угнетенных горских рабочих и крестьян были обеспечены; задача, которая стоит перед нами в дальнейшем, — это задача освобождения трудящихся всего мира. Об этом нужно говорить совершенно прямо, откровенным языком.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА ПУТЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕДИТ РАЗРУХУ

Прежде всего нам нужно сделать так, чтобы все наши съезды представляли собою коллективную общую работу и чтобы они, таким образом, приняли несколько иной характер и давали другие результаты, чем те, которые были до сих пор. Мало того, чтобы собраться, принять резолюции и расходиться. Нужно почувствовать себя хозяином всей нашей государственной семьи, нужно, чтобы все, что будет сделано и записано на этом съезде, действительно являлось обязательным, как коран для правоверного магометанина. И нужно с оружием в руках карать как врага Советской власти человека, не желающего выполнять те обязанности, которые написаны на знамени

нашей революции. Мы теперь всегда и всюду стараемся дать населению совершенно неприкрашенную, яркую характеристику всего того, что происходит в нашей Республике. Мы говорим, что власть нужна такая, которая справится с самым опасным фронтом в Республике — фронтом нужды: нам нужна власть рабочих и крестьян. Несмотря на всю нашу отсталость, некультурность, неумение работать, слабую практику в области государственного управления, несмотря на это, мы несомненно, если захотим, сумеем расшевелить многомиллионные массы рабочих и крестьян, сумеем заинтересовать каждого в судьбе своего государства. И мы несомненно выйдем из этого трудного положения.

Всякий из вас на примере своего хозяйства знает, что тут не хватает этого, там недочет в том, каждый из вас кое-что собирал, кое-что ремонтировал, но каждый чувствует, что всем этим старым остаткам скоро будет конец, что нужны новые источники, нужны новые ресурсы, которые бы дали широкий государственный размах работе, чтобы все машины завертели, чтобы все то, что сейчас мертво, заснуло — фабрики и заводы, — чтобы они зашевелились. И центральная Советская власть в данный момент, когда от войны мы переходим к другой работе, к осуществлению других задач, вовсе не желает изображать из себя сатрапа, который сидит наверху и ничего знать не хочет; она, наоборот, протягивает руки к населению и старается вызвать в нем желание работать и инициативу. Мы, учтя момент и взвесив прошлое, решили установить отныне такие приемы управления, чтобы дать возможность подняться более широким пластам народа к участию в государственной работе. И здесь, когда вам будут докладывать о нашей продовольственной работе и земельном вопросе, вам скажут, что налог, заменивший разверстку, дает не только новую форму продовольственной политики, но открывает совершенно новую хозяйственную полосу вообще.

Мы хотим сделать так, чтобы население, сознающее нужду государства, понимающее задачи государства, имело развязанные руки и получило возможность вкладывать в свое хозяйство все то, чем оно располагает.

Мы все, конечно, за Советскую власть и уважаем Коммунистическую партию и во всех наших резолюциях все клятвенно заверяем в своей готовности содействовать

проведению тех огромных задач, которые стоят перед нами; но когда тот или иной гражданин приходит домой, для него его хозяйство становится выше всяких хозяйственных интересов Республики. Так будет еще до тех пор, пока мы не научимся жить по-коммунистически.

Государственная Советская власть понимает, что тут насилеием взять нельзя, что нужно действовать так, чтобы найти другой выход, найти точки соприкосновения между интересами рабочих и крестьян.

С этой стороны и нужно рассматривать новую продовольственную политику. И мы полагаем,— по крайней мере в России мы уже это чувствуем,— результат этой политики будет хороший. Крестьянские массы это учли, и их не особенно доброжелательные отношения теперь резко изменились, они снова идут плотными, твердыми рядами с рабоче-крестьянским правительством.

Мы полагаем, что на окраинах эта политика также даст свои благоприятные результаты.

Во всяком случае то, что намечается в этой области, и то, что отчасти уже сообщалось, это должно быть принято отнюдь не как какая-нибудь уступка или как результат неуверенности Советской власти в том, что она прочна; отнюдь не означает, что мы — новые соглашатели и соблазняем кого-то своими уступками, чтобы добиться большей устойчивости. Это вздор. Новая экономическая политика диктуется вовсе не этим, а тем, чтобы создать больший интерес у большого количества населения к государственной работе, к укреплению нашей страны, к умножению материальных и экономических богатств рабоче-крестьянского государства.

Так обстоит дело у нас внутри страны. И мы думаем, что эта новая политика даст много новых возможностей дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского государства.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ СУМЕЕТ СУРОВО РАСПРАВИТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОПЫТАЕТСЯ ПОЙТИ ПРОТИВ НЕЕ

Все то, что здесь рассказывают о кронштадтских событиях, о широких волнениях, которые происходят в России,— это вздор.

Мы знаем, как во многих аулах изображались кронштадтские события, где будто бы дело доходило до того,

что пора складывать рабочим и крестьянским представителям свои пожитки и бежать в дикие ущелья. Нет. То, что было, то ушло безвозвратно. То, что произошло в Кронштадте, было действительно самым настоящим, вооруженным бунтом: кронштадтское «правительство» возглавлялось бывшими царскими генералами, руководилось нашими политическими противниками — меньшевиками и эсерами, все это было и была самая настоящая драка, отчасти вызванная тем, о чем я говорил, — слишком тяжело и голодно в центре. Люди под влиянием ежедневной нужды очень легко поддаются на всякие авантюры.

Но кончилась эта авантюра печально не для нас, а для тех, кто хотел пошатнуть рабоче-крестьянское государство.

И если Советская власть очень часто прибегает к широким уступкам трудовым слоям населения, то она в то же время жестоко наказывает за измену, где бы она ни происходила, хотя бы и в Кронштадте. Горцы должны почувствовать и понять, что всякие новые попытки в этом направлении будут оканчиваться тем же, чем окончились они в Кронштадте. Горский народ был отрезан от нас еще совсем недавно белогвардейским фронтом, на котором стояли враги, вооруженные с ног до головы и снабженные лучшей современной военной техникой, всеми теми чудовищами, вроде танков, которые вам вчера показывали. Это ведь их техника! Если и в то время горцы смотрели с огромной надеждой на ту власть, которая сидела чуть ли не в одной Московской губернии, то теперь не имеется основания сомневаться, что мы можем хотя бы на одну йоту почувствовать себя непрочно. Всякий, кто встретит в ауле у себя какого-нибудь агента, шептуна, вроде Ахмета Цаликова, который попытается нарисовать ему картину возможного возврата к прошлому, пусть плюнет этому шептуну в глаза и предложит оставить все несбыточные надежды.

Прошлое ушло в историческую даль. И каждый, к какой бы партии и группировке он ни принадлежал, должен твердо и определенно сказать себе: *Советская власть есть и будет, в этом нечего сомневаться.*

Нет такой силы внутри рабоче-крестьянской России, которая могла бы не только сбросить, а хотя бы только поколебать власть в этом огромном государстве. Поэтому все те, у кого есть истинное и искреннее желание укреп-

лять рабоче-крестьянскую власть, те должны на это принести все свои силы, а тот, кому эта власть наступает на мозоль,— должен смириться. Если же она кого-нибудь задевает слишком, тот должен как-нибудь сжаться. Другого выхода нет. Если барашек нужен Советской власти, то, как ни перекрашивайте его в черный цвет, она его возьмет, если только барашек не пойдет сам и на своем бараньем языке не заявит, что принадлежит Советской власти.

Наша задача и задача населения всех республик, входящих в огромную Советскую Федерацию, сводится именно к тому, чтобы везде и всюду, приехав в аулы, собравши стариков и молодых, прямо сказать: «Хорошо ли, плохо ли, полагается по шариату⁵ или не полагается,— Советская власть никуда не уйдет. Единственный выход избавиться от Советской власти — это последовать примеру Чермоева, Джабагиева, Цаликова: забрать все, что есть, и направиться в отдел пропусков. Взять пропуск, сначала поехать в Грузию, потом дальше куда-нибудь, за пределы нашей огромной РСФСР. Если душа не терпит, то надо постараться переломить себя — будет легче, так как рано или поздно мы приведем все в советский порядок».

Теперь, по окончании гражданской войны, мы чувствуем себя твердым государством, которое может и имеет право разговаривать с каждым как с сыном одной огромной семьи, где никаких раздоров и междоусобиц поднимать нельзя. И что это действительно так, об этом свидетельствует не только то, что мы вам заявляем здесь и имели честь докладывать,— об этом также думают и наши противники, наши враги.

НАШЕ ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПРОЧИЛОСЬ

Прочность всякого государства зависит не только от того, как внутри дело обстоит, но зависит и от того, как смотрят на него соседи.

Вы хорошо знаете, что было время, когда у нас здесь было несколько государств, от Базоркино нельзя было проехать в Ольгинское, потому что там уже было другое государство. Так было недавно.

То же самое представляла и наша Республика. Она была окружена со всех сторон бандитами, которые имели

огромное желание каждый день и каждую минуту наброситься на рабочих и крестьян России. Если это перевести на время, то выйдет, что полгода мы воевали с отечественными врагами и три года воевали с иностранной контрреволюцией, ибо белогвардейцы все для войны получали от Антанты. Оттуда все шло.

Теперь мы посмотрим, как сейчас о нас думают в Западной Европе. Вы знаете, Европа нас за государство не считала и делала все, чтобы завоевать Советскую Россию, бросала на это большие деньги и т. д. А теперь, когда пришлось барону Врангелю, не как библейскому, а как новоявленному маленькому Ною, сесть в ковчег и выехать за наши пределы, наше положение стало совсем приличным, так что мы ходим сейчас по Европе, как и всякий там живущий. Раньше мы, чтобы провезти туда хотя бы одного человека посмотреть, как живут в буржуазном мире, брали массу пропусков и документов, и нельзя было все-таки проехать, чтобы не быть где-нибудь арестованным.

Сейчас ничего подобного нет. Сейчас представители рабоче-крестьянского государства в Европе во многих местах если не первые люди, то приняты в «самом хорошем обществе». Если вчера они считались опасными «бандитами», которых нельзя допускать в буржуазные страны, то теперь ничего подобного нет. Сейчас с ними заговаривают таким языком, на котором принято говорить с представителями организованных твердых государств. И там, где нам не открывали двери вчера, сегодня — «почет и уважение», не боятся, что ты коммунист, что ты большевик, который устроил беспорядок в России. С нами разговаривают как с представителями огромной организованной страны. Даже когда мы делаем какую-нибудь неосторожность и даем повод вмешаться в наши дела, этого вмешательства не происходит. Антантовские пароходики, скользя мимо Черноморского побережья во время недавних событий в Грузии, только для приличия дают несколько залпов по железной дороге, проложенной по берегу, — и этим дело ограничивается. А раньше, если грузинское правительство сказало бы: «Пойдемте бить большевиков», если бы меньшевики закричали о помощи, то вся Европа стала бы им помогать, очередь устроила бы, чтобы помогать побить русскую большевистскую Красную Армию. Теперь эта мода прошла. Теперь Европа все чаще и чаще

посылает таких людей, которые разговаривают не винтовками, а дипломатически ведут переговоры во фраке и белых перчатках, как полагается в буржуазных государствах.

**НЕТ СЕЙЧАС ТАКОГО БУРЖУАЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА,
КОТОРОЕ МОГЛО БЫ ХОДИТЬ СПОКОЙНО,
ПО БЕЗОПАСНОЙ ДОРОЖКЕ**

Это происходит вовсе не потому, что мы выцвели, побледили, легче стали брать на поворотах, чтобы не свалиться под откос автомобилю, на котором едет русский пролетариат. Нет, мы какими были, такими и остались. Так же будем заниматься тем делом, которым занимались: вести борьбу за интересы трудящихся и будем помогать освобождению всех угнетенных и обиженных на всем свете. Изменились не мы, изменилось положение нашего противника, самой Антанты. Если вчера Антанта представляла из себя нечто могущественное и грозное на целом земном шаре, то теперь от такой Антанты не осталось и следа. И теперь об этом антантовские бабушки рассказывают как о прошлом. Прежде по малейшему мановению английского адмиралтейства английский флот запирали все выходы и входы великой Советской страны.

Теперь ничего не выходит. Всякий приказ наталкивается на то, во что сейчас уперлись главные бандиты на международном поприще — руководители буржуазной Англии. Эта страна исстари славилась тем, что прекрасно была всех на морях и называлась «владычицей морей». Последняя война показала, что она не менее могущественна и на суше. Теперь эта могущественная страна, которая дирижировала всем миром и задавала тон, от которого до сих пор очень солоно, — она сейчас стоит перед вопросом своего собственного существования. Те миллионы английских рабочих, которые забастовали самым настоящим, самым безжалостным в отношении буржуазии образом, — эта штука может легко привести к тому, что в Англии произойдет революция. И скрывать не станем: несмотря на то, что мы как бы узаконили главу английского правительства — Ллойд-Джорджа (он для нас в высокой степени заманчивая персона), недавно заключили с ним договор, — но все-таки «торговать» с рабочими нам приятнее, чем якшаться с антантовской буржуазией. Про-

рочествовать не стану, но возможность такого поворота не исключена. Об этом знает само английское правительство, которое и день и ночь занято тем, чтобы собрать надежные воинские части английской армии, поставить их во все уголки государства, чтобы в каждую минуту быть готовым верным ударом расправиться с бастующими рабочими. Удастся это или нет, я не знаю. Но, во всяком случае, государство, которому приходится ставить одну часть населения против другой, это государство переживает очень невеселое время.

У нас таких вещей не бывает. А там, где рабочие нападают на буржуазию, мы там приложим свои руки самым настоящим образом. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы бастующим английским рабочим скажем: поможем всем, чем можем. Люди мы не богатые. Все, что от нас зависит, сделаем, но главное — посоветуем вам: поставьте дело так, чтобы ваша Коммунистическая партия, которая у вас есть, повела бы вас вперед, ибо только она может вывести вас из тяжелого положения. Если, бросив работу на заводах и фабриках, станете ходить, заложив руки в английские штаны, и ждать, то так у вас ничего не выйдет. Дождетесь того, что было с ленскими рабочими в 1912 году⁶, о чем мы вспоминали вчера. Это дело не подходит. Если остановите английские фабрики и заводы и шахты будут заливаться водой, конечно, буржуазия не будет на вас смотреть и, конечно, будет бить. Чтобы не дожидаться этого момента, есть один исход: как в Октябрьскую революцию, взять инициативу в свои руки, подойти, развернуться и хлопнуть самому, действовать так, как это у нас было в Октябрьскую революцию. Такой-то полк — за нас, такой-то — против. Мы видим, что с той стороны, у Керенского, не твердо. Одни говорят: соглашательством действуйте, другие — уступками. Нет, таким моментом надо пользоваться. И мы начали наступать. Из Питера тогда вся буржуазия стала катиться на юг и на север. Такое положение сейчас по всей Европе. Нет такого правительства, которое могло бы ходить совершенно спокойно, по безопасной дорожке. Всякое правительство в Европе сейчас ходит по канату, балансируя, как бы не сломать себе голову. Это не слова, а действительность. Об этом свидетельствует то, что происходит в Англии, что наблюдается в Германии. То, что было у нас во время керенщины, примерно то же сейчас в Германии. Если слышим:

«могущественная культура, огромное государство», — это вздор. Теперь этого нет. Это было в старой Германии, а сейчас в Германии что ни область, то и свое особое положение, все держится на вооруженной белогвардейской солдатчине и больше ни на чем. Даже и в Англии все старые пружины теперь лопаются и трещат. Таким образом, то изменение отношений к нам, которое произошло в Европе, совсем не объясняется тем, что мы стали более причисненными и выцвели за эту гражданскую войну. Если понадобится, покраснеем еще больше, но не побледнеем ни на йоту. Это мы заявляли всегда. (А п л о д и с м е н т ы.)

С Англией произошло плохо. Дома у английской буржуазии неблагоприятно. Пока они занимались Российской республикой и смотрели за рабоче-крестьянской Россией, вместо того чтобы посмотреть у себя дома, они свои дела просмотрели, так как дом-то оказался разоренным. И теперь что ни день все начинает разваливаться по всем швам. От прежнего авторитета не остается и следа. Дело дошло до того, что на предложение персидского правительства вывести войска Англия отвечает: «С полным нашим удовольствием». (А п л о д и с м е н т ы.)

Если недавно те же английские генералы успешно заправляли войной против Мустафы Кемаля⁷ на Турецком фронте, то теперь настолько изменилось положение, что турецкая делегация принята в Лондоне и начинаются деликатные переговоры. Дело дошло до того, что кемалисты бьют по носу Антанту, а несчастным грекам настолько плохо, что они растрепаны совершенно. (А п л о д и с м е н т ы.)

При таких условиях ничего другого не остается, как стать на путь переговоров, которые уже начались с турецким правительством. Политика хождения по канату сейчас заставляет Антанту искать дружественных отношений и устанавливать торговую связь с нами, с кем они вчера воевали, кого хотели уничтожить. Хорошо, отвечаем мы, если придет к нам паровоз из буржуазной Америки, мы купим и скажем: «С полным удовольствием». (А п л о д и с м е н т ы.) Наши советские рельсы его выдержат. Подписывая с нами договоры, страны Антанты знают, что одновременно мы устанавливаем дружественные отношения с врагами Антанты — с правительством Ангоры, которая, конечно, ближе нашему советскому сердцу, ибо борется с нашими врагами за свое освобождение. (А п л о

дисменты.) И Антанте приходится мириться с этим, так как выхода у нее нет. Это лишь доказательство того, до какого состояния европейские государства доведены: им приходится молиться и корану, и евангелию, и чему угодно. Главная наша задача была в том, чтобы с мертвой точки сдвинуть европейский порядок, и мы его нарушили несомненно. Весь европейский лоск покрыли самым настоящим нашим «азиатским» налетом, и не сегодня-завтра трещины, которые продолжают углубляться нашими договорами и нашими братскими отношениями с западноевропейскими коммунистами, еще больше увеличатся. Таким образом, все приводит к тому, что Антанта разваливается. Нет уже больше былой стройности, нет того величия. Напрасно страны Антанты поклялись защищать друг друга до последней капли крови. Клятву пришлось нарушить. Каждый сам себя защищай. Поучителен пример маленькой Грузии, которая попала в самое трудное положение, и Антанта должна была бы встать по всем правилам на защиту ее от грузинских рабочих и крестьян, так как Грузия является членом Лиги наций. Если теперь английским рабочим придется взять за горло Ллойд-Джорджа, Париж не отзовется, а скажет: «Как-нибудь сами справьтесь, так как у нас здесь тоже плохой ветер дует и с каждым днем и часом у нас, в нашей мировой столице, все больше популярным становится коммунист». Вот какое положение сейчас в Европе. Таким образом, если мы говорим, что внутри у нас вопиющая нужда в самом необходимом и жизненном, то в смысле политическом рабоче-крестьянское государство прочнее, чем любое государство Европы, и можно сказать, что мы живем в самом счастливом, обеспеченном государстве.

Кто-то из буржуазных представителей Европы сказал, что в Советской России можно наблюдать смену одного наркома другим и третьим и все-таки в России проводится одна политическая линия. Ничего подобного нет ни в одном европейском государстве. Там идет правительственная чехарда, вызываемая обостряющейся борьбой между капиталом и трудом. Эта борьба принимает такой характер, что хотя нет открытых, вооруженных столкновений, но те, которые находятся во главе государств, сидят некрепко. Со времени, когда стал признанным факт существования рабоче-крестьянской страны, ломаются все министерские кресла Западной Европы.

НЕ УПУСКАЯ НИ ОДНОЙ МИНУТЫ, ЗАБОТИТЬСЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сейчас наша задача внутри страны — добиться того, чтобы всякий честный и порядочный человек, который понимает хотя немного больше того, что есть у него под носом, сознательно относился к строительству рабоче-крестьянской власти. Все должны понять, что сейчас нужно не упускать ни одной минуты, возможно дружнее и храбрее подойти к нашему фронту нужды, потому что от этого будет зависеть не только удовлетворение собственных экономических интересов каждого трудящегося, но это и перед лицом европейских государств поможет нашим интересам. А мы знаем, что существование Советской власти на одном оазисе — России — полностью и окончательно обеспечено не будет, а в то же время каждый лишний день нашего прочного существования расшатывает Европу.

Советская Россия самым фактом существования ведет агитацию среди всех народов, и всякий, кто в Европе упомянет о нас, о том, что Россия первая подняла знамя мировой революции, тем самым покоряет сердца рабочих и, несмотря на старания бандитов в Кронштадте, агитирует за нас, указывая, что все же в Кремле сидит Совнарком.

Народ в Европе видит и знает, что рабочие и крестьяне России крепко держат власть в своих руках. В России, самой некультурной стране, рабочие и крестьяне не только взяли власть, но и правят государством свыше трех лет. Враги говорили, что правят особыми приемами: грабят, режут, насилуют, глотают живых кроликов и умирают голодными. Но оказывается, что и в нужде и радости поют «Интернационал» и верят в правоту своего дела. Очевидно, на русских рабочих клеветают, так как они вовсе не звери. Этого достаточно, чтобы Европа революционизировалась.

Теперь нам нужно не только подписывать торговые договоры, но и делать все, чтобы содействовать укреплению рабоче-крестьянской власти, и, как прежде мы все несли на фронт войны, теперь нужно нести на фронт хозяйственной нужды.

По мере того как мы будем побеждать на этом последнем фронте, перед нами все шире и шире будут открываться двери к нашей конечной цели. Для всемерного содействия борьбе на фронте хозяйственной нужды мы ре-

шили использовать все возможности не только внутри нашей страны, но и вне ее.

Мы не задумаемся заняться торговлей, «спекуляцией» в международном масштабе. Мы посылаем для этой цели всюду нашу советскую агентуру. Мы объявили свободными для входа иностранных судов все наши советские порты, куда могут иноземные торговцы привозить любые товары, за которые мы будем платить золотом, сырьем, которым располагаем в изрядных размерах.

Идем мы и дальше: можем дать под разработку иностранным капиталистам огромные нетронутые лесные пространства, залежи угля и прочее. Мы идем и на это. Если угодно, пожалуйста в Донецкий бассейн, добывайте уголь, часть берите себе, другую часть оставляйте для нас, для рабоче-крестьянской страны. И есть надежда, что капиталисты это дело поднимут.

Для нас все равно, куда отправлять это сырье. Куда угодно, в любую страну! Только бы не попасть нам в новое рабство, только бы скорее видеть и там, в Европе, красное знамя, раздвинуть фронт борьбы, которая закончится победой труда над капиталом.

Капитал Европы, конечно, против нас, но тем не менее и капиталистам не так весело и богато, как это принято думать: им также приходится изощряться, искать выхода, благодаря последствиям продолжительной войны и хозяйственному истощению в результате ее.

Мы сейчас находимся в такой стадии существования, когда вскрываем все возможности к укреплению рабоче-крестьянского Советского государства: мы заключаем торговые соглашения с капиталистическими странами, мы даем возможность проявить инициативу всей огромной массе крестьянства, которая еще не может воспринять коммунистические идеалы, которая укрепляет свое собственническое мелкобуржуазное хозяйство. Как бы ни был ответственен и труден тот момент, который переживает Советское государство, мы все же имеем и много возможностей для того, чтобы начать со всех сторон обогащать и укреплять Советскую Россию. Возможность развернуть широкие творческие силы рабочих и крестьян нашей страны мы имеем полную. (А п л о д и с м е н т ы.)

Каждый наш успех будет немедленно отзываться в Европе и на Востоке. На нас смотрели с полной безнадежностью и думали, что, как только в России окончится граж-

данская война и рабочие и крестьяне примутся за восстановление разрушенной промышленности и сельского хозяйства, тогда мир будто бы увидит, какие большевики безнадежные хозяева.

Нам нужно сейчас как можно скорее показать, что мы способны не только разрушать, но умеем и созидать, а это явится огромным плюсом в деле освобождения трудящихся. (Аплодисменты.)

НА ПУТИ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

Задача нами поставлена. Наш последний партийный съезд совершенно откровенно вскрыл и перетряхнул все, что мы имеем. Оказалось, что мы приехали к мирной гавани очень усталыми. Но мы установили, что в огромной, многомиллионной России, для того чтобы осуществлять те священные заповеди, которые имеются на всех языках, и те идеалы, которые написаны лучшими умами человечества и подлинными защитниками угнетенных,— для этого в России еще найдутся силы.

Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, созидается братская жизнь. Мы поставили Россию на верный и надежный путь, и, идя по нему, мы скоро получим подкрепление с разных сторон и несомненно победим.

Многомиллионный трудящийся народ, вышедший на свободную социалистическую дорогу, не может, если бы даже и захотел, повернуть назад и надеть цепи рабства, которые с таким трудом разбил.

Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он ни устал, он хочет жить и радоваться, он идет к счастью, и ничто не свергнет его в анархию.

Этот народ первым вышел на путь великой борьбы и первым придет в царство социализма.

(Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 107—126*

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

30 ДЕКАБРЯ 1922 г.

Товарищи! Тов. Сталин в своем докладе сегодня сказал, что настоящий день является днем торжества новой, рабоче-крестьянской России. Товарищи, я не знаю, как относятся к этому те, которые живут близко к главному источнику Советской власти и коммунизма — в Москве, но я ручаюсь, что все те рабочие и крестьяне, которые пришли сюда с отдаленных окраин, они как нельзя больше торжествуют в сегодняшний день. У нас у всех в памяти старая Россия. Мы знаем основную заповедь царского режима: гнет, унижение, национальная травля. Мы помним, как нам еще в детстве пели песни о том, что там, на далеких и диких окраинах, живут какие-то безумцы, которые занимаются, как, например, чеченцы, только тем, что неустанно ползут на берег и точат свой кинжал. Вы помните, как все делалось для того, чтобы отдельные народности стонали под сапогом, торжествовавшим тогда в России. И только теперь, только спустя пять лет, мы получили полную возможность собраться в единое целое, в единую братскую семью. Жадно раскрывая друг другу объятия, мы в сегодняшний торжественный день произносим: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!».

Я думаю, что этот день должен быть ознаменован нами так, чтобы остался живой памятник совершающегося сейчас. Я думаю, что не пройдет много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале. Я думаю, что скоро потребуются для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие

звуки «Интернационала». Я думаю, что скоро настанет такой момент, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединенных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему союзному ЦИКу в ближайшее время заяться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти все, что требуется для того, чтобы расширять свой горизонт. Я думаю, что вместе с тем это здание должно являться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились.

Товарищи! Может быть, этот момент послужит лишним толчком к тому, чтобы европейский пролетариат, все еще спящий в большинстве своем, все еще не уверенный в торжестве революции, все еще сомневающийся в правильности тактики Коммунистической партии, чтобы он при виде этого волшебного дворца рабочих и крестьян почувствовал, что мы пришли всерьез, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю.

Может быть, тогда они поймут, что настал наконец такой момент, когда надо потряхнуть проклятую капиталистическую землю так, чтобы все, что гнуло нас в течение веков, было сброшено в бездну истории. И на этом новом, румяном, красном, революционном земном шаре мы, трудящиеся, родившиеся в жалких хижинах, дружными, стройными рядами пойдем из этих жалких хижин в волшебные дворцы с великим гимном Интернационала.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 150—152*

ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС

РЕЧЬ НА ОТКРЫТИИ ПАРТИЙНОГО КЛУБА
БАКИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

22 АПРЕЛЯ 1924 г.

Товарищи! Вы знаете, что говорить о жизни незабвенного Ильича — это то же, что говорить о жизни и движении русского пролетариата. Так тесно переплелась вся личная жизнь Владимира Ильича с судьбами русского рабочего движения.

Ровно 54 года тому назад на берегах великой русской реки родился человек, которому суждено было потрясти весь мир. В это время рождался также застрельщик мировой революции — русский рабочий класс.

Ленин рано обнаружил данные вождя мирового пролетариата. Уже с ранней юности он проникается теми идеями, которым отдал всю свою жизнь.

Есть интересные воспоминания Марии Ильиничны о том, что, когда был казнен старший брат Ленина, эта роковая весть потрясла его. И не потому, что это был его старший брат. Он видел ошибки в деятельности народо-вольцев — партии, к которой принадлежал казненный. Но эта казнь не могла не повлиять на выработку мировоззрения Ильича. Получив эту весть, он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Уже в то время он намечал новые методы революционной борьбы пролетариата. К 25 годам Ильич так знал Маркса, как мы еще не знаем его и до сих пор.

ПРОВИДЕЦ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже тогда путь и исход борьбы были для него ясны — этот путь говорил, что только захватом власти революционным пролетариатом начнется перестройка челове-

ского общества на новых, коммунистических началах. Но 30 лет тому назад еще никто так не думал, и когда появились первые книги Ильича, многим стало ясно, что в будущем он развернет все силы своего обширного ума.

Уже с тех пор Ильич начал завоевывать прочное руководящее положение в революционной среде. Он был гений прежде всего. Он был гений в отношении силы воли. Трудно найти равного ему по характеру.

И своей дорогой он шел уж не так «просто». В оценке же окружающих его людей он был беспощаден.

Постепенно он вырастает в вождя мирового пролетариата. Если проследить историю партии, то видно, как давно уже он приобрел авторитет.

МАРКС И ЛЕНИН

Маркса он знал от корки до корки. Он всегда и неизменно возвращался к великому учению и в нем он черпал свои силы и свои откровения. Он был великим последователем Маркса.

Целая эпоха отделяет друг от друга этих людей. При Марксе только зарождалась борьба с капиталом. Ленин же жил в эпоху, когда революционный пролетариат уже сложился в класс. Ленин развил учение Маркса. В применении марксизма он сочетал широту русской природы с американским практицизмом.

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК

Когда Ленин руководил 150-миллионным народом, в особенности крестьянством, ему помогал его практицизм.

Сочетание глубочайшего теоретика с не менее глубоким практиком сделало из него огромного, необычайного революционера, какого еще не видел мир.

Ленин прекрасно знал этапы развития капитализма в России. Он видел небольшую кучку пролетариата и огромную массу крестьянства. Уже в 1905 году, когда многие из нас теряли голову при развертывавшейся буржуазной революции, Ильич ясно поставил вопрос о крестьянстве. И мы поняли, что у нас должно быть государство рабоче-крестьянское. Необходимость рабоче-крестьянского союза глубоко врезалась в наше сознание.

Ильич не сомневался ни на одну минуту, что подлинными носителями социализма могут быть только рабочие, вместе с тем он пришел к выводам, что пролетариат не может один совершить революцию, что он может ее осуществить в союзе с крестьянами.

ЛЕНИН И ВОСТОК

В деятельности Владимира Ильича следует отметить его интерес к угнетенным национальностям Востока. И в вопросе об угнетенных национальностях Ильич нам дал не меньше откровений, чем в других областях.

Если русский мужик называет Ленина отцом, то люди желтой, черной и всех рас с неменьшим правом также называют его отцом. В масштабе мировой борьбы за социализм он учел огромную армию Востока.

Мы видим громадное движение в странах Востока, где капитализм только развивается. Только гениальный Ильич мог предвидеть, что Восток может стать революционным. В этом его огромная заслуга.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Все, кто знал Ильича, могут констатировать факт, что империалистическая война сильно повлияла на развитие его мировоззрения. В то время социал-соглашатели Гильфердинг, Каутский и другие утверждали, что война оправдается, что она создаст какую-то новую эпоху для демократии. И только Ильич отнесся глубоко отрицательно к этой мерзкой бойне. Он определенно заявил, что капитализм хочет утопить в крови революционное движение европейских рабочих. Тогда его голос был одинок. Но уже в Циммервальде он находит сторонников. Никто, как Ильич, не разоблачал эту войну. Он делал все возможное, чтобы она была последней. Он говорил: *мир погибнет, если не повернет своих штыков против своих угнетателей.*

От этого у меньшевиков волосы становились дыбом. Но воля Ильича не знала препятствий. Теперь мы видим, что его гениальная тактика была плодотворна. Уже тогда, уходя с меньшевистских дискуссий, Ильич говорил, что в момент захвата власти пролетариатом меньшевики будут по ту сторону баррикад. Он не ошибся. Тогда же создавались гнусные легенды о германском золоте, запломбиро-

ванном вагоне и т. д. Но Ильич твердо ковал свои заповеди против войны и выковал то, что называется III Интернационалом.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ

История нашей партии есть история жизни и деятельности Ильича. В деле создания Российской Коммунистической партии (большевиков) он показал себя как великий организатор. Наши враги, соглашаясь, что у Ленина светлый ум, отнимали у него организаторские способности.

Его умение предвидеть, огромная энергия и настойчивость, его непримиримость в борьбе с оппортунизмом дали ему возможность организовать величайшую в мире партию. Наши враги за границей отлично учитывают, что самый злейший враг их — это наша организация.

В нашей партии много твердых людей, но таких, как Ленин, не было. Вступавшим в Коминтерн он диктовал жесткие условия. Он сумел создать колоссальный авторитет нашей партии.

Настанет пора, когда извлекут из архивов документы, где зафиксирована гигантская работа Ильича. Но есть и другие документы, говорящие об Ильиче, как о великом провидце. Он предсказал империалистическую войну и Февральскую революцию. Когда же настал февраль, Ильич писал, что назревает другая революция, которая поведет рабочих и крестьян против английского и французского капитала. Он не ошибся.

Можно сказать, что изучение международного революционного движения — это есть изучение самого Ленина.

ЧЕЛОВЕК И ТОВАРИЩ

Скажу несколько слов о Ленине как о человеке. Более сердечного человека никто из нас не встречал. Он был многогранен. Он находил ключи к сердцу каждого из нас. Был ли такой член партии, который не знал бы его сердечности!

В кругу товарищей он видел всех насквозь, но этого не показывал. Он всегда был доступен и общителен. С рабочими и крестьянами он подолгу мог говорить о мелочах. Даже наши враги были очарованы Ильичем.

Никто не знал так человечество, как он, и только этим можно объяснить его революционную смелость.

СОХРАНИМ В ПАРТИИ ДУШУ ИЛЬИЧА

Ленин умер. Но уйдя от нас в могилу, он только вчерне успел закончить гигантскую работу.

Он заложил фундамент будущего социалистического строя. Каждый из нас, выросший в Коммунистической партии, чувствует руководящую руку Ильича.

И если мы сумеем сохранить в партии душу Ильича, то мы доведем его постройку до конца. Нам все же теперь уже легче. У нас надежный, проверенный партийный компас, и мы дорогу найдем.

Ильич говорил нам: идите вперед и вперед, чтобы зверский капитализм больше не бросал на поля сражений рабочих и крестьян.

Из его наследства мы создадим ленинизм. Только один путь к будущему — изучение ленинизма.

Проникнемся же вдохновенным нашим вождем, возненавидим всеми фибрами нашей души все, что порабощает и оскорбляет человека.

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 153—157*

ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКОМУ ЗНАМЕНИ — КЛЮЧ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ КОМФРАКЦИИ СЪЕЗДА ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ
УЕЗДНЫХ, ВОЛОСТНЫХ И ГОРОДСКИХ ИСПОЛКОМОВ
19 ЯНВАРЯ 1926 г., ЛЕНИНГРАД

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

Товарищи! Мне поручено сделать вам отчетное сообщение о работе XIV съезда нашей партии, но я думаю, что было бы более целесообразно, если бы мы прежде, чем перейти к общему обзору нашего съезда, остановили свое внимание, хотя бы на короткое время, на общей обстановке, в которой находится СССР, ибо эти оба вопроса, на мой взгляд, связаны между собою самым непосредственным, самым тесным образом, так как, если не дать себе точного отчета о том положении, которое занимает сейчас наш Союз, будет до некоторой степени трудно разобраться в тех основных вопросах, которые стояли в порядке недавно закончившегося XIV партийного съезда.

Несколько недель тому назад наше правительство в лице такого органа, как Госплан, сумело подытожить в цифрах то хозяйственное положение, которое сейчас занимает наш Союз. Эти знаменитые цифры Госплана обошли сейчас всю нашу печать, они еще до сих пор дебатировались во всей европейской печати как на страницах газет наших друзей, так и наших врагов. Я думаю, что для многих, даже живущих в Советском Союзе, эти цифры являются в достаточной степени неожиданными. Ведь надо сознаться, что до самого последнего времени у нас в некоторых слоях населения имеется еще некоторого рода скептицизм, неверие в те действительные успехи, которых мы достигаем. У нас еще в оценке нашего внутреннего и особенно хозяйственного положения часто исходят из того, что мы имели примерно два-три года

тому назад, когда мы еще не могли достаточным образом связать концы с концами, привести нашу хозяйственную систему в более или менее единое, связанное, стройное целое. Вот эти самые последние цифры Госплана как раз и делают первые попытки к тому, чтобы представить все наше хозяйственное положение в такой стройной, выдержанной системе. Я не берусь утверждать, что эти цифры совершенно точны. У нас на этот счет очень много еще прорек: вы все знаете, что мы даже в жизни отдельных ячеек нашего хозяйства сплошь и рядом не можем подсчитать точно, что мы имеем; мы сплошь и рядом не можем свести концы с концами, порой не можем этого сделать с достаточной точностью в каком-нибудь небольшом сельском кооперативе. Этот же недостаток имеется у нас и в общегосударственной и хозяйственной системе, но все-таки, несмотря на отдельные возможные неточности, «в общем и целом» нужно признать, что эти цифры с достаточной отчетливостью, с достаточной полнотой дают характеристику того, что мы имеем. О чем говорят эти цифры, товарищи? Я не буду приводить вам этих цифр подробно, я укажу только на самые главные. Все эти цифры сводятся в конечном счете к одному — рассматриваем ли мы состояние нашего сельского хозяйства, исследуем ли мы на основании этих цифр нашу промышленность, мы приходим к одному и тому же выводу: и в сельском хозяйстве и в нашей городской промышленности мы к концу прошлого и началу текущего года уперлись в так называемый довоенный уровень. Вы помните, что годика два тому назад мы выдвинули лозунг: восстановить наше хозяйство во что бы то ни стало до довоенного уровня — и вот как раз в канун 1926 года мы можем уже смело утверждать, что и в области нашего сельского хозяйства и в области нашей промышленности мы к этому уровню подошли. Не хватает у нас очень немного процентов для того, чтобы та или иная отрасль поравнялась полностью с довоенным уровнем. Конечно, с точки зрения тех задач, которые мы ставим перед собой, с точки зрения того, что мы еще восемь с лишком лет назад поставили себе задачу строить социалистическое общество, эти достижения не могут считаться головокружительными, ибо каждый из нас помнит и должен помнить в данном случае, что довоенный уровень, уровень сельского хозяйства и нашей промышленности, который мы имели накануне свержения

царского самодержавия,— этот уровень в общей системе мирового хозяйства считался и не мог не считаться в полном смысле слова нищенским.

Можно утверждать, что если царское самодержавие, а затем и буржуазно-помещичий строй пали, то одной из основных причин их падения явилась наша нищета, огромная отсталость как нашей деревни, так и нашего города. Так что с точки зрения тех задач, которые мы ставим перед собой, эти достижения не бог весть какие. От этих достижений голова кружиться не может ни у какого здорового человека. Но если мы сравним эти достижения с тем, что нам досталось в наследство после того, как мы сумели с оружием в руках отстоять свое Советское отечество, тогда каждый сознается, что эти достижения имеют огромное, колоссальное значение. Ведь у всех в памяти тот период времени, когда мы находились буквально в какой-то хозяйственной трясине. Ведь если взять период нашего существования, скажем три — три с половиной года тому назад, то, я думаю, каждый из вас, если покопается в памяти, должен будет вспомнить, что едва ли нам верилось в возможность того, что через три года мы будем говорить о довоенном уровне нашего хозяйства. Я полагаю, что три года тому назад мы думали совершенно иначе. Мы думали о том, как бы нам разползшееся по всем концам наше хозяйство хоть как-нибудь немножко связать, чтобы выбиться из периода систематической голодухи, систематических недостатков во всех областях нашего хозяйства. И вот, несмотря на это, подходя к 1926 году, мы видим, что наше положение в этом смысле меняется очень резко, и особенно в этом отношении характерны последние полтора года. Тут мы можем с полным правом утверждать, что мы переживаем буквально бурный период расцвета нашего сельского и городского промышленного хозяйства. Я не буду брать отдельных отраслей нашего хозяйства, но скажу, что мы сейчас имеем такие отрасли хозяйства в нашей промышленности, которые уже перешагивают довоенный уровень. Я думаю, что для вас не подлежит никакому сомнению, что мы вступили сейчас в полосу интенсивного восстановления нашего хозяйства.

Что касается нашего деревенского хозяйства, то я думаю, что вы могли бы поделиться гораздо более подробными данными, чем те, которыми я располагаю. Я хотел

бы вам только указать на одно, что если мы возьмем развитие сельского хозяйства по нашему Союзу, то мы здесь наблюдаем чрезвычайно интересное, чрезвычайно ценное явление для нашего хозяйства — явление, заключающееся в том, что наше сельское хозяйство восстанавливается не только в количественном отношении, не только в том отношении, что увеличиваются запашки, увеличивается количество собираемого хлеба, но у нас, особенно в тех местах, где земля представляется очень ценной, наше крестьянство постепенно под влиянием той огромной культурной работы, которую ведет наше Советское государство, постепенно переходит от отсталой к более ценной культуре. Такие культуры, как хлопок, которые представляют собою огромнейшую ценность, такие ценные культуры начинают в жизни нашего сельского хозяйства занимать все больше и больше места. Нельзя также не заметить, — каждому из вас это видно, а в нашей черноземной полосе этого абсолютно нельзя не заметить, — как быстро крестьяне начинают переходить к более совершенным, к более современным способам обработки земли.

Ведь надо, товарищи, сознаться, что, несмотря на высокую задачу, которую мы ставим перед собой, несмотря на колоссальнейшую революцию, которую мы с вами проделали, все-таки еще и до сих пор подавляющее большинство сельских хозяйств у нас работает таким орудием, как соха времен святого Владимира. Каждый из вас понимает, что на этих орудиях производства свершить промышленную революцию в нашем хозяйстве — задача абсолютно невозможная. Если несколько лет тому назад товарищ Ленин бросил громадного значения лозунг о необходимости электрифицировать нашу страну, то это, товарищи, надо понимать в самом широком смысле слова. Электрификация заключается не только в том, что мы построим такое-то количество Волховстроев или еще какие-нибудь такого же рода гиганты. Электрификация нашего хозяйства должна заключаться в техническом переоборудовании как нашей промышленности, так и нашего сельского хозяйства в самом широком, в самом обширном смысле этого слова. Электрификацию отнюдь нельзя понимать в том смысле, что у нас в один прекрасный момент даже в наших захудалых деревушках в хатах крестьян вместо лучины будет гореть электрический свет. Дело не только в этом и даже, пожалуй, не столько в

этом, а главным образом в том, чтобы путем вот этих новых технических основ нам перевернуть всю нашу технику не только в области промышленности, но и в области нашего сельского хозяйства.

И вот сейчас, несмотря на все еще громадную отсталость нашей деревни, мы все-таки мало-помалу начинаем переходить к новым, более усовершенствованным способам обработки. Тут надо сказать, что те достижения, которые мы имеем, являются, конечно, очень заметными в жизни нашей страны, но ни в коем случае нельзя себя обольщать мыслью, что мы здесь находимся накануне такого преуспевания, что можно спать спокойно. Это, конечно, неверно. Впереди у нас в этой области еще колоссально много работы. Нам нужно дойти до довоенного уровня в общей системе нашего хозяйства, нам нужно дальше совершенствовать ту работу, которая в сельском хозяйстве в ближайшие пять лет должна привести нас в область «Обновленной земли»*, очень красноречиво описанную в одной книжке, которую неоднократно хвалил наш великий учитель товарищ Ленин. Это, конечно, не та обетованная земля, о которой пишется в библейских книжках, а это та обновленная земля, которая имеет место здесь, на грешной земле, и находится в Соединенных Штатах Америки. Владимир Ильич всегда настойчиво рекомендовал эту книжку, в которой описана вся современная сельскохозяйственная американская техника, а когда мы сравним то, что имеем сейчас, с тем, что имеет сейчас американское сельское хозяйство, то между нами и ими получится, конечно, громаднейшая пропасть. И вот нам эту пропасть нужно заполнить во что бы то ни стало. Но если мы условимся о том, что мы сейчас не только сдвинулись с той мертвой точки, на которой стояли три года тому назад, если мы действительно согласимся с положением, что наше хозяйство, в том числе и сельское, совершает, как это всем заметно, бурный период своего развития, то, я думаю, что при прочих необходимых для созидательной работы условиях мы, крепко напрягая наши силы, несомненно сумеем перешагнуть и через эту полосу и пойдем еще дальше.

Я думаю, что наше государство и наша партия сумеют повести работу в области революционирования нашего

* Имеется в виду книжка Гарвуда «Обновленная земля». — *Ред.*

хозяйства. Все это, конечно, будет возможно, при непременном условии, если нам, паче чаяния, не учинят помехи какие-нибудь из многочисленных наших недругов, это — с одной стороны; с другой стороны — если наша партия сумеет и впредь вести достаточно определенную и достаточно понятную для каждого рабочего и для каждого крестьянина работу и политику, около которой мы могли бы и впредь так же успешно объединять миллионы населения нашей огромной страны.

Вот если эти два условия будут соблюдены, то, очевидно, не будет никаких оснований сомневаться в том, что, несмотря на предстоящие впереди серьезные трудности, мы сумеем перейти в дальнейшем в полосу уже подлинного, настоящего, великого строительства нашего социалистического государства.

ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Трудно, конечно, строить это государство, находясь восемь с лишком лет в полосе железного окружения со стороны империалистических держав. Делали мы разного рода попытки, чтобы как можно полнее, как можно ближе связаться с западноевропейскими странами. Вы помните, что мы переживали полосу усиленных попыток привлечения иностранного капитала, в форме ли концессий или другого рода форм, чтобы восполнить те недостатки, которые имеются сейчас в нашем хозяйстве, но в общем вся наша политика, вся наша работа в этом направлении до самого последнего времени принесла очень ограниченные результаты: мы все еще находимся с этой стороны в достаточной степени изолированными.

И вот, несмотря на то, что мы не имеем никакой материальной, осязаемой помощи извне, несмотря на то, что империалисты по-прежнему продолжают окружать нас китайской стеной, мы все-таки имеем возможность восстанавливать с достаточным успехом наше хозяйство. Это говорит, конечно, не только о нашем умении, не только о нашей большевистской дерзости, — это говорит также о богатых объективных возможностях нашего дальнейшего развития.

Я думаю, что каждый из вас понимает, что страна протяжением от Ленинграда до Владивостока, от Архангельска до Эривани, страна с колоссальными, далеко еще не

использованными природными богатствами, страна, имеющая громадный внутренний рынок, дает возможность нашему правительству и нашей партии без внешней помощи, без внешнего рынка поднимать и развивать наше хозяйство. Поэтому, несмотря на отсутствие какой-нибудь заметной поддержки, несмотря на то, что нам строятся всякого рода препятствия в деле нашего преуспевания, наш Союз окреп настолько, что он занял совершенно определенное, по праву ему принадлежащее место в семье всех народов.

Если мы три-четыре года тому назад занимали на земном шаре совершенно нелегальное положение, если мы еще четыре года тому назад жили в своего рода подполье, если человек, выкинутый с советским паспортом, скажем, в Европу, должен был претерпевать самые невероятные затруднения, то сейчас, в тот период, который мы с вами переживаем, уже нет ни одной страны, ни одного государства, где бы на наш 150-миллионный Союз смотрели как на какую-нибудь нелегальную организацию, — теперь, я говорю, таких государств и таких народов в природе уже не существует; мы благодаря тем успехам, о которых я говорил вкратце в начале доклада, заняли совершенно законное, совершенно определенное место в семье всех народов. Теперь самым высоким представителям современного империализма приходится скрепя сердце входить во взаимоотношения с нашим Союзом. О чем это говорит? Прежде всего не о том, что сердца империалистов и наших врагов под влиянием восьмилетнего нашего существования стали мягче. Нет, их сердца, какими были зверскими в отношении к нам, такими и остались. Но правильным является то, что наш Союз, которым можно было несколько лет назад пренебрегать совершенно безнаказанно, теперь в силу всех обстоятельств, на которые я указывал, является такой единицей на мировых весах, которую просто так не скроешь, мимо которой не пройдешь, не заметив ее, а, наоборот, проходя мимо которой, приходится очень внимательно, очень тщательно задуматься над всем тем, что создавалось на этой самой шестой части земного шара. На этой частичке всего мира постепенно, понемногу за восемь лет создано такое государство, которое приобрело совершенно твердый, совершенно определенный вес во всей системе мирового хозяйства.

УКРЕПЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ

Вы знаете, что за последний год мы с вами наблюдали громаднейшее паломничество со стороны европейских рабочих в Советский Союз. Мы несколько десятков западно-европейских делегаций пропустили по нашим городам и деревням — делегаций, пожелавших воочию убедиться в том, что собою представляет Советский Союз. В составе этих делегаций мы видели не только членов коммунистических партий, не только представителей желтого Интернационала, мы видели там и просто беспартийных рабочих. За самым ничтожным исключением, за исключением только тех, которых может, очевидно, как горбатого, только могила исправить, подавляющее большинство из них, посмотрев на все, что они видели в Советской стране, возвращались к себе на родину полнейшими нашими друзьями. Всякому рабочему, который честно, попросту смотрел на работу трудящихся нашего Союза, становилось совершенно очевидным, что действительно рабочие и трудящиеся Советского Союза не на словах, а по-настоящему, на деле, строят социалистическое государство, что те трудящиеся, которые восемь лет назад разрушали дворцы и поместья феодалов, оказываются способными не только разрушать, не только сокрушать, но умеют и строить. За короткий промежуток времени европейские рабочие увидели, что у нас проделана колоссальнейшая, совершенно невиданная работа. Европейские рабочие увидели, какие огромные творческие возможности открывает в себе рабочий класс, когда он становится господином положения, диктатором в государстве. Эти рабочие увидели, что свершается то, о чем они читали лишь в полулегальных книжках, именно — что настанет когда-нибудь счастливый период, когда власть в государстве будет в руках рабочих, когда каждый из угнетенных будет принимать непосредственное участие в государственном строительстве, когда в эту работу будут вовлечены огромные миллионы людей и будет положено основание тому великому будущему, которое называется социализмом. Об этом европейские рабочие только мечтали, читали в книжках, а здесь они, приехав, увидели это на деле, увидели реально, что действительно изо дня в день, понемногу, кропотливейшим образом это совершается. Дей-

ствительно, это может произвести переворот в голове не только беспартийных, но даже и представителей желтого Интернационала. То, что он видит,— от этого не уйдешь, не отмахнешься. Это движение, это паломничество в Советский Союз сыграло и играет колоссальную роль в деле укрепления наших взаимоотношений с трудящимися Западной Европы. В самом деле, представьте себе, что ваш покорнейший слуга рассказывал где-нибудь,— если бы представился случай, на широком собрании, например, в берлинских кварталах,— какие мы с вами хорошие люди. Конечно, я был бы последним дураком, если бы не похвалил всех нас. Я глубочайше, как и вы, убежден, что самая лучшая порода людей на свете — это, конечно, большевики. В этом нет никакого сомнения, хотя бы судя по пословице, что «всякий кулик свое болото хвалит». Но представьте себе положение европейского рабочего, который вас слушает. Когда я ему разведу все эти Волховстрой и всякие такие вещи, он скажет: «Хорошо поешь, но неизвестно где сядешь, ничего этого я не видел и не знаю, как это есть на самом деле». Совершенно другое дело, когда рядом со мной выступит воспитанник «почтенного» предателя социализма Карла Каутского и начнет рассказывать то же, что мы с вами рассказываем. Как вы думаете, какое это впечатление произведет на европейского рабочего? Я думаю, что если он нам с вами не совсем поверит, то, когда он послушает этого «желтого» человека, он сделает выводы гораздо большие и скажет: «Если этот «желтый» человек, который вчера воевал с большевиками и вешал всех собак на Советский Союз, теперь, побывав там, рассказывает, что там дело делается не плохо, а даже совсем подходяще, то, наверное, мерзавец, еще не все рассказывает. Наверное, на самом деле там еще лучше, чем он говорит, потому что вчера только этот человек говорил, что там, кроме крови, кроме того, что живых людей глотают, ничего больше нет, а теперь говорит, что там есть социалистическая промышленность, что там — полнейшая свобода рабочего класса, что там — громаднейшая восстановительная работа, что там — теснейший союз между рабочими и крестьянами» и пр. и пр. Рабочий слушатель сочтет необходимым сделать из этого естественный и логический вывод: «Не все он говорил, что-нибудь да скрывает; было бы хорошо, если бы я сам съездил туда и посмотрел бы, что там делается»,

Отсюда мы видим следующее: не успеет вернуться домой одна делегация, как к нам стучат: «Не можете ли принять еще человек пятьдесят, которые едут из разных весей и градусов?» Как в Мекку — священный город мусульман — круглый год шагают длинными веренищами верующие мусульмане, так теперь идут к нам; мы сами обратились как бы в эту самую Мекку, куда идут с горячей надеждой посмотреть и научиться, как надо создавать социалистический строй, как надо создавать социалистическое государство.

Если взвешивать общее соотношение сил, которое имеется, то как будто бы мы и впредь можем с достаточной уверенностью, с достаточной надеждой продолжать строить наше социалистическое государство, но только при одном, товарищи, условии, о котором я хочу сказать в заключение. Трудности, как я говорил вначале, огромны. Ведь шутка сказать, товарищи, — пусть каждый всерьез задумается над задачей, которую мы сейчас поставили, — уже одно то, что мы сокрушили, разбили старую царскую и буржуазную Россию, является невиданным в истории человечества. Это такой след, о котором тысячелетиями будет помнить человечество, оно будет помнить, что в великую Октябрьскую годину победа угнетенных рабочих и крестьян в одном из уголков земного шара перевернула вверх дном все их государство. Это является величайшим, небывалым в истории человечества актом. А какую задачу, товарищи, мы должны разрешить в конечном счете? Ту задачу, которую конкретно, ярко, наглядно трудно еще себе представить. И понятно, что трудности впереди колоссальные. Нам, которые являются воспитанниками старого строя, нам, которые сплошь и рядом проникнуты многочисленнейшими предрассудками, нам — людям, которые еще далеко не со всей кожей и костями проникнуты тем, что называется настоящим социализмом, нам, которые будут иметь в дальнейшем еще тысячи всевозможных препятствий, — обольщаться тем, что мы вышли на дорогу, на которой не будет ни одного ухаба, нельзя. Но можно сказать одно: черновую работу мы, несомненно, закончили, основные вехи, основные столбы установлены, стены здания, которое мы строим, поставлены, и как будто бы общая объективная обстановка складывается таким образом, что и впредь мы можем камень за камнем воздвигать это здание, но, как я сказал,

при одном очень серьезном условии — при благополучии нашего с вами внутреннего коммунистического положения.

ПО КАКИМ ВОПРОСАМ СПОРИЛА ОППОЗИЦИЯ⁸ С ПАРТИЕЙ

Мы только что подытожили несколько дней назад, на XIV партсъезде, всю ту огромную работу, которую мы проделали, и мы постарались проанализировать, проверить наше внутривнутрипартийное положение. На вопросах, которые стояли перед съездом партии, я подробно останавливаться не буду. Остановлюсь только на самом основном и главном. Вы знаете, что у нас на съезде развернулись довольно широкие разногласия по разного рода вопросам. К числу этих вопросов относится прежде всего вопрос о возможности строительства социализма в одной стране.

Второй вопрос — о том, как нам дальше относиться и как расценивать новую экономическую политику.

Следующий вопрос, вызвавший разногласия (я останавливаюсь только на самых главных вопросах), — это вопрос о нашей деревне.

Все эти три вопроса имеют очень существенное, очень крупное значение для всей нашей дальнейшей работы. Взять хотя бы вопрос о возможности строительства социализма в одной стране. Может показаться, что этот вопрос имеет только теоретическое значение. На самом деле это, конечно, не так, и далеко не случайно, что именно через восемь лет после Октябрьской революции перед нами этот вопрос встал на нашем партсъезде и принял такую острую форму. Восемь лет мы строим наше социалистическое государство. Восемь лет мы работаем в деле воссоздания и дальше будем говорить уже о пересоздании нашей хозяйственной системы, и все-таки не случайно, что именно сейчас у нас встал вопрос о том, возможно или невозможно построить социализм в одной стране. Когда мы совершали с вами Октябрьскую революцию, казалось бы, тогда и нужно было поставить этот вопрос. Когда после свержения капиталистической системы мы провозгласили социалистическую революцию, тогда, казалось, и надо было спросить себя: а что же дальше, сможем ли мы дальше построить социалистическое хозяйство? Тогда этот вопрос в такой степени, как

сейчас, не стоял. Тогда вообще обстановка была совершенно иная. Едва ли не каждый из нас верил в возможность назавтра революции на Западе. А вот теперь пришла полоса, когда западноевропейская революция, как вы знаете, запоздала и неизвестно, в какую годовщину нашей революции на Западе нас поддержит. Тем не менее мы все-таки существуем. Тем не менее мы как будто бы что-то строим, и вполне естественно задать себе вопрос: что же мы строим? Строим ли мы действительно социалистическое государство или, быть может, какое-нибудь другое государство, ничего общего с социализмом не имеющее? Таким образом вопрос о строительстве социализма в одной стране сейчас для нас имеет самое непосредственное, прямое, практическое значение.

Каждый из трудящихся должен сейчас действительно ответить себе на вопрос: а что же дальше? В первые годы нашей революции мы были заняты обороной государства, защищали каждую пядь земли, отстаивали независимость нашей страны. Теперь эта полоса прошла. Теперь мы занимаемся, в полном смысле слова, строительством. Мы сейчас вступаем в полосу великого строительства. Позволительно задать себе вопрос: во что же выльется это самое строительство? Возможно ли строительство социализма в одной стране? Здесь надо, впрочем, оговориться во избежание путаницы. Если спросить так: можно ли окончательно завершить строительство социализма в одной стране? — на этот вопрос, конечно, надо ответить отрицательно. Нет никакого спора о том, что окончательное торжество коммунистического строя возможно только в мировом масштабе *. Спор идет не об этом, а о том, возможно ли вести успешное социалистическое строительство в одной стране, притом такой стране, как наша, стране

* Настоящая работа написана С. М. Кировым в то время, когда наша страна была единственной в мире социалистической страной и находилась во враждебном капиталистическом окружении. Она не могла считать себя вполне гарантированной от военной интервенции и опасности насильственного восстановления капитализма силами международной реакции. XXI съезд КПСС отметил, что в настоящее время положение в мире коренным образом изменилось. Капиталистического окружения больше нет, есть две мировые общественные системы: социализм и капитализм. Соотношение сил между ними таково, что опасность реставрации капитализма в Советском Союзе теперь исключена, а это значит, что «социализм победил не только полностью, но и окончательно». — *Ред.*

отсталой и на девяносто процентов сельскохозяйственной, можно ли строить и построить социалистическое государство в капиталистическом окружении? Подавляющее большинство на съезде отвечает на этот вопрос положительно. Прошедший период нашей работы и те грядущие перспективы, которые мы намечаем на ближайшие годы, говорят о том, что это строительство возможно. Когда мы анализируем проблему создания нашего государства сейчас, то видим, что, несомненно, элементы социализма в нашем государстве крепнут гораздо быстрее, чем элементы капитализма. Вы понимаете, что охарактеризовать наш строй одним словом нельзя; нельзя сказать, что мы живем в социалистическом государстве, но нельзя сказать и того, что мы живем в государстве капиталистическом, а можно сказать, что наше государство находится в переходном периоде: от капитализма мы отплыли, а к социализму мы еще не приплыли; мы находимся где-то на перепутье, и чем дальше по времени мы будем уходить от великих Октябрьских дней, при условии если у нас будут крепнуть элементы социализма,— тем самым мы все дальше будем отходить от капитализма и приближаться к социализму. Вот какой период мы сейчас переживаем.

Поэтому необходимо проверить, что растет быстрее — элементы социализма или элементы капитализма. Это решает дело. Если элементы социализма растут медленнее, а элементы капитализма быстрее, то настанет такая минута, когда у нас элементы социализма замрут и будет процветать без помех капитализм. Отсюда идет спор о том, что представляет собою наша государственная промышленность. Мы считаем,— и съезд тоже так считает,— что наша государственная промышленность, фабрики, заводы, железные дороги, находящиеся в руках государства, представляют собою предприятия последовательно социалистического типа, что эти предприятия находятся в руках самого рабочего класса, что хозяином этих фабрик, заводов, железных дорог является рабочий класс,— следовательно, здесь налицо элемент социализма. В основе именно эти предприятия являются социалистическими, а все окружающее: наше сельское хозяйство, как частное хозяйство, имеющаяся у нас частная промышленность, частная торговля и прочее, и прочее... представляют собою уже капиталистические элементы или среду, питающую эти капиталистические элементы.

Теперь нужно взвесить, какой из этих элементов растёт быстрее.

Когда я в начале своего доклада говорил вам о знаменитых цифрах Госплана (очень рекомендую их просмотреть), то нужно сказать, что они говорят о том, что те элементы, та часть хозяйства, которая целиком находится в руках рабочего класса, растёт быстрее, чем растёт частное капиталистическое хозяйство. Да, растёт нэпман в городе и кулачок в деревне, увеличивается частный оборот — это верно, но если взять в общем и подсчитать, то окажется, что частное капиталистическое хозяйство растёт медленнее, чем растёт хозяйство социалистическое, а это решает дело, решает дело в том отношении, что нам нужно и впредь навалиться так, чтобы ещё быстрее развивались наши социалистические элементы, чтобы они не могли увядать под влиянием развивающихся капиталистических элементов. Если мы на этом условимся, то увидим, что строительство социализма в одной стране возможно, и это мы доказываем на практике, а также путем подсчета, который мы производим.

Но была часть товарищей, которые в этом отношении выражали сомнение по многим основаниям. Эти основания заключались в том, что страна наша слишком бедна, у нас отсталое сельское хозяйство, нет большой промышленности, нет десятка миллионов рабочих. Эта техническая отсталость и прочие элементы становятся поперек дороги возможности строить социализм в одной стране. Но после тщательного обсуждения всех этих вопросов на съезде подавляющее большинство съезда пришло к заключению, что строительство социализма в одной стране, несомненно, возможно. Отсюда вытекает и наше отношение к новой экономической политике.

Вы все, конечно, знаете сущность нашей новой экономической политики. Часть наших товарищей, наблюдая за тем, как проводится нэп в городе и деревне, пришла к выводам такого порядка, что, дескать, новая экономическая политика — это есть отступление, как в свое время говорил Владимир Ильич, и здесь поставили точку. Мы, большинство съезда, считаем, что это, безусловно, заблуждение. Ленин действительно говорил о первом этапе новой экономической политики, что это отступление. Вы, может быть, помните его слова о том, что сейчас наступил такой период, когда нам надо несколько отступить,

а потом, разбежавшись, снова шагнуть вперед. Ленин это говорил в момент, когда мы с вами, увлекшись военным коммунизмом, с трудом поворачивали на всякого рода новую экономическую политику. Вспомните, с каким сопротивлением на местах встречали этот самый нэп. Многим казалось, что это сдача всех позиций, что мы идем назад, что ни о каком социализме не может быть и речи. Но вот теперь, товарищи, прошло четыре года проведения новой экономической политики, и мы можем проверить, что мы отступаем за эти четыре года или нет. Если бы новая экономическая политика была только отступлением — очевидно, мы бы в лучшем случае топтались на месте, но не было бы тех плюсов, которые мы, несомненно, сейчас имеем. Значит нэп не есть только отступление, как думают некоторые из наших товарищей. Это есть очень сложный стратегический маневр, при котором временами мы отступаем, временами перестраиваем наши ряды и снова наступаем. Словом, это целая система, при помощи которой мы развиваем наши производительные силы в таком направлении, что, давая выход частному капиталу, мы в то же время должны в гораздо большей степени развивать наши социалистические элементы, и я уже сказал, что наша практика говорит о том, что социалистические элементы у нас растут быстрее, чем элементы капиталистические.

Наконец, последний вопрос, имеющий связь со всеми остальными, — это вопрос о крестьянстве.

У нас на съезде и до съезда развернулась дискуссия на тему о том, как же на основе нэпа, на основе целого ряда мероприятий, которые мы провели за последние годы, как-то: допущение аренды земли и наемного труда в деревне, — как на этой основе изменяются классовые отношения в деревне.

Часть товарищей считает, что на основе всех наших мероприятий в деревне замечается слишком быстрый, слишком заметный рост кулака, что кулак, пользуясь своими экономическими преимуществами, помаленьку начинает захватывать под свое влияние все отрасли деревенской жизни, что дело дошло до того, что кулак начинает вносить поправки не только в работу председателей волисполкомов, но что он начинает вносить поправки во всю нашу государственную работу. В качестве иллюстрации у нас указывали на то, что кулак «регулирует» заго-

товки (которые у нас потерпели очень заметный изъяз в этом году). Вы знаете, что в области хлебозаготовок мы не выполнили плана, который наметили,— мы не смогли вывезти того количества хлеба, которое предполагалось. Действительно, товарищи, был такой просчет, огромный и болезненно сказывающийся до сих пор на нашем государственном организме, но часть товарищей объяснила этот просчет тем, что громадное количество излишков находится у кулака, что кулак встал в оппозицию к государству и что тем самым создались эти недочеты. Мы полагали, что то обстоятельство, что растет кулак, это ни для кого, так сказать, не должно являться новостью. Нэп совершенно неизбежно должен был к этому привести. Усиление товарооборота между городом и деревней, оживление частных хозяйственных отношений — все это, в конечном счете, должно было вызвать соответствующие социальные изменения в деревне. Когда мы вводили нэп, то знали, что в городе должен возникнуть нэпман. Никто не должен удивляться тому, что прошел, предположим, год нэпа и в городе вырос нэпман,— это было неизбежно. Но, если поставить вопрос: в угоду ли нэпману был введен нэп? — я думаю, что ни один из вас не ответит положительно на этот вопрос. Что нэпман извлекает выгоду из той хозяйственной обстановки, которая есть, в этом нет сомнения, но что мы будто бы провозгласили нэп в угоду нэпману — это вздор. Мы провозгласили нэп ради развития производительных сил страны, а что на этой почве могут произрастать известного рода отрицательные явления — в этом нет сомнения.

На съезде задавали такой вопрос: а аренда земли в деревне и наемный труд — это уступка кулаку или нет? Мы отвечаем, что нет. Как нэп не есть уступка нэпману, так и аренда земли и наемный труд в деревне не есть уступка кулаку, а это — мероприятие, направленное к развитию производительных сил в деревне. Что на этой почве может подработать кулак — это другой вопрос, но все эти мероприятия в деревне исчерпывать тем, что сказать, что это делается в угоду кулаку,— это полнейший вздор. Это значит сказать, что наша партия и ЦК в области нашего сельского хозяйства становятся на точку зрения интересов кулака. Этого ни один здоровый человек в мире не может сказать. Если мы действительно завтра в городе возьмем курс на нэпмана, а в деревне — на ку-

лака, то о каком социализме можно разговаривать, а тем более о строительстве социализма в одной стране. Это — сплошной вздор. Ни один здоровый человек этого утверждать не может.

Вопрос о строительстве социализма в одной стране, вопрос об отношении к нэпу, кулаку — все это явления одного и того же порядка, проистекающие из того, о чем предупреждал Владимир Ильич, когда он говорил, что перед нашей партией в период восстановления нашего хозяйства после военного коммунизма могут встать такие задачи, которые партии придется решать с гораздо большим трудом, чем все задачи, стоявшие в период военного коммунизма. И это, товарищи, как нельзя больше правильно. То, что было в период военного коммунизма, — в этом разбирается каждый из рядовых членов партии. Враги у нас были перед лицом. Каждый из нас видел — где мы и где враги. Каждый в то время отстаивал судьбы диктатуры рабочего класса. Не то сейчас. Сейчас борьба далеко не прекратилась. Мы переживаем полосу так называемого «мирного строительства». Но это именно так называемое «мирное» строительство в кавычках. На самом деле борьба продолжается — как было и прежде — денно и нощно, но только ведется в других формах, в формах более сложных и более скрытых. Взять хотя бы тот же самый нэп. Это, товарищи, не есть только накопление нашего национального богатства, это — новая форма борьбы, о чем нам говорил в свое время товарищ Ленин.

Товарищ Ленин ставил вопрос так: «кто — кого?» — чья возьмет: мы ли возьмем капитализм или капитализм возьмет нас? Каждый день нашей работы в кооперации, в Совете, в каком угодно нашем учреждении — все это есть не простая организационная работа, а все это борьба, отстаивание наших социалистических позиций. Вот как стоит вопрос.

И в тот период, когда мы перешагиваем сейчас за довоенный уровень, эта борьба все более и более усложняется, и поэтому естественно, что в такой сложной обстановке вырастает очень много и отрицательных явлений, которые подействовали определенным образом на известную часть нашей партии. Это мы видели на нашем съезде. Отсюда все те разногласия, которые перед нами развернулись. Нам говорили об опасностях растущего

кулака, нам намекали на то, что мероприятия наши в деревне на руку кулаку, являются уступкой кулаку. Нам выражали сомнения о возможности строительства социализма в одной стране. Нам указывали на то, что трудно утверждать, будто наши государственные предприятия являются предприятиями последовательно социалистического типа. О чем это говорит? В конечном итоге о том, что затруднения, которые мы перед собой имеем, у известной части товарищей создают ложную перспективу, закрывают перед их глазами дороги действительного нашего движения вперед по социалистическим и ленинским рельсам. Отсюда та дискуссия, которая с таким ожесточением и оживлением развернулась на нашем партсъезде. Вопросы, как вы видите, не только чистой теории, но и живой практики. Вопросы такие, от правильного разрешения которых зависит вся наша дальнейшая работа.

Особенно подробно на съезде дебатировался вопрос о деревне.

Мы указывали представителям оппозиции, видевшим огромную опасность в растущем кулаке, что ни один из нас роста кулацкого элемента в деревне не отрицает, но мы говорим: кулак не настолько в настоящее время разбух, что есть основание кричать «караул». Мы говорим, что по-прежнему нужно продолжать в деревне ту политику, которую мы практиковали до сих пор. Вы помните, Владимир Ильич говорил, что 10—20 лет правильных отношений с крестьянством — и победа революции обеспечена даже в мировом масштабе. О чем это говорит? О том, что Владимир Ильич придавал вопросу о крестьянстве колоссальное, решающее значение при наших условиях. И это несомненно так. Вокруг этого вопроса главным образом сосредоточивались все наши разговоры и до съезда и в особенности во время его. Подавляющее большинство съезда пришло к выводу, что, как прежде мы держали курс на союз с бедняком и середняком, опираясь на бедняка, так этот курс должен продолжаться и сейчас.

Мы этот курс полностью несомненно не осуществили. Бедняк с нами, но середняк сплошь и рядом идет за кулаком. Средняк сплошь и рядом вне нашего влияния. Средняк очень часто вне нашей советской орбиты. Это надо нам исправить во что бы то ни стало. Тут, товарищи, разговор идет не о симпатиях к бедняку или середняку, или к кулаку, а о реальных взаимоотношениях. Об этом

надо говорить, пока это не навязнет в зубах у каждого члена партии. Если мы не сумеем действительно по-настоящему закрепить союз этих трех групп — рабочего класса, деревенской бедноты и середняка, то дело должно повернуться в другую сторону: рабочий класс и беднота останутся на одной стороне, а вся остальная деревенская масса — на другой. Столкновение этих двух групп, если бы они образовались, станет неизбежным, ибо, не говоря о большинстве населения, большинство всей деревенской мощи будет находиться по ту сторону, и нам придется всем петь отходную самым безнадежным образом. Для того чтобы этого не случилось, съезд сказал, что политика в области деревни должна остаться прежняя, та, которая была до сих пор, т. е. опора рабочего класса на бедноту и союз с средним крестьянством. Нужно сделать этот союз отечаненным, таким, чтобы он был выдержан от начала до конца. Тогда неизбежный рост кулака на основе свободных товарных отношений в деревне нам не будет страшен. Мы тогда, при помощи этого союза и имея целый ряд рычагов в руках государства (налоговая система и ряд других мероприятий), можем обуздывать кулака, обуздывать его мероприятиями легально-государственно-советского порядка, не прибегая к насильственным мерам, к раскулачиванию и пр. Большинство съезда нашей партии оставалось на этой точке зрения.

НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СОВЕСТЬ ВЫПОЛНЯТЬ РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА

Я не скрою от вас, товарищи, что на этот раз дискуссия на съезде прошла в чрезвычайно острой форме. Подробности всего этого вам известны. Укажу вам только на то, что мы уже давно не наблюдали в жизни нашей партии того, чтобы по отчету ЦК нашей партии, по решающему вопросу на всяком съезде, мы получили 65 голосов против одобрения линии ЦК нашей партии.

Оппозиция исходила главным образом отсюда, из Ленинграда. Она объясняла это голосование случайными причинами, тем, что голосование резолюции было поставлено не в том порядке, как следовало бы поставить, что резолюцию не голосовали сначала за основу, а сразу в целом, не голосовали по отдельным параграфам и пр. Если вы пожелаете послушать, как это произошло, то

зайдите на любое собрание, и вы услышите от них различное объяснение того, как это вышло, но мы, грешные люди, думаем, что, как бы это ни объясняли,— техническими причинами или иначе,— все-таки никак нельзя найти достаточных оснований для того, чтобы оправдать поведение этого меньшинства в 65 человек, у которых поднялась рука против, когда мы одобряли линию поведения ЦК нашей партии. Этот факт непонятен ни большинству на съезде, ни подавляющему большинству партии в целом. На протяжении полутора лет — между XIII и XIV съездами — проводили в Ленинграде конференции, обсуждали на них общую линию партии, но нигде, никогда, ни одним словом не заикались о том, будто руководящая часть ЦК партии к 1926 году скатывается с ленинских рельсов, катится куда-то под откос, проводит явно угрожающую линию, против которой надо поднимать руки. А именно такие утверждения слышали мы на съезде нашей партии.

Решения съезда вам известны, и теперь нам остается только одно — признать правильность этих решений. Я думаю, что подавляющее большинство партии убеждено в том, что все эти спорные вопросы мы несомненно разрешили правильно. Никакого другого ленинского, большевистского решения этих вопросов на данной стадии нашей революции быть не должно и, очевидно, не могло быть. Решения эти приняты, и перед нами сейчас стоит задача, принимая во внимание важность тех вопросов, которые дискутировались, разъяснить всем молодым членам партии те ошибки, которые допустила на нашем съезде оппозиция. Надо каждому члену партии сделать понятными те решения, которые наш съезд вынес, а они будут понятны только в том случае, если мы совершенно открыто, совершенно прямо изложим и точку зрения меньшинства нашей оппозиции, разберем ее самым детальным образом, чтобы для каждого члена партии стало ясным, почему решение большинства правильно и почему позиция меньшинства неправильна. Здесь мы очень часто со стороны некоторых, на мой взгляд слабонервных, товарищей слышим: «Чего же вы хотите? Съезд кончился, разве вы четвертовать оппозицию хотите?» Это неверно: такими заявлениями хотят разговор пустить по совершенно другим рельсам. Речь идет вовсе не о крови и не о четвертовании, а о разоблачении. Тут ничего не сделаешь;

если ты ошибку совершил, ее надо вынести на свет если не божий, то наш, коммунистический, посмотреть ее со всех сторон, разобрать на составные части и помочь товарищам разобраться в том, как они пришли к таким ошибочным выводам. Нужно помочь такому товарищу исправить свою ошибку, если он может исправить, и затем предупредить остальных товарищей, всю партию в целом. Если у тебя случится так, что ты в одно несчастное для тебя утро будешь хромать на левую ногу, то ты постепенно можешь так передвигаться налево, что станешь левее самой левой стороны. (С м е х.) Будет очень звонко и красиво, что ты, дескать, против нэпмана, против кулака, против наемного труда, против всяких уклонов и соглашательских вещей, что ты совершенно левый человек, но что ты можешь при этом слишком далеко зайти, дорогой товарищ, в этом нет сомнения, как нет сомнения в том, что одинаково опасно для тебя и для партии — забереешься ли ты слишком вправо или слишком влево.

Всякий уклон, всякий отход от партийной позиции для нас сейчас, в такое время, которое мы с вами переживаем, чрезвычайно опасен. Я уже указывал в связи с теми вопросами, которые вообще стоят перед нами, что обольщать себя тем, что у нас «тишь, гладь и божья благодать», — неправильно.

Трудности у нас впереди еще колоссальные, и поэтому всякая расхлябанность в партии, всякие отклонения в разные стороны — вправо или влево — несомненно принесут нам громадный вред в нашей работе. Разногласия были. Разногласия мы эти разрешили. Решения съезда имеются, и мы теперь предлагаем эти решения считать единственными, которые сейчас только могут иметься в нашем распоряжении. Эти решения надо проводить не за страх, а за совесть, не путем простого формального подчинения, а проводить по-настоящему. Нам сплошь и рядом представители оппозиции говорят: «Мы, конечно, решения съезда признаем. Съезд кончился. Резолюцию будем осуществлять и решения съезда проводить». Но когда мы ведем разговоры о том, что произошло на съезде, когда мы объясняем в Ленинградской организации те ошибки, которые допустила оппозиция, то выходят те товарищи, которые эти ошибки совершили, или сторонники их, и здесь же начинают доказывать, что они все-таки были

правы, и, несмотря на то, что есть решения съезда и что они признали эти решения, они говорят: «А наши ребята тоже поступали правильно, мы их уполномочили, в обиду не дадим, выгонять их нельзя».

Мы считаем такую постановку вопроса вредной не только для Ленинградской организации, но и для всей партии. Если в известной части партии создается такое мнение: «Съезд решить — решил, решениям съезда подчиняюсь, но и ленинградская делегация тоже права», тогда выходит, что у нас две правды: одна — в одном кармане, другая — в другом, одна — правда большинства, а другая — правда меньшинства. Мы, как революционные практики, принимали решения на съезде вовсе не для того, чтобы сдать их в Истпарт или Академию наук, а для того, чтобы завтра реально осуществлять по-революционному все то, что приняли. Но как мы будем это осуществлять с двумя правдами? Никакого осуществления не выйдет. Каждый рабочий, каждый крестьянин, который нас поддерживает, будет думать так: мы строим социализм, а есть люди, которые говорят, что его не построишь; если так строить, то ничего не построишь. Если будешь строить избу, поставишь сруб, а мимо пройдет Мария Петровна и скажет: «Сидор, а ведь тебе избы не построить», то Сидор почешет за ухом и скажет: «Да ведь и вправду не построить». И, действительно, мы ничего не сможем построить, если будем думать так и этак; нужно что-нибудь одно. Это возможно при одном условии, когда в партии не будет ни двойной, ни тройной, никакой другой бухгалтерии, а будет одна-единственная, большевистская правда, написанная на съезде нашей партии. Вот при таких условиях, товарищи, возможна та великая работа, которая возложена самой историей на нас с вами. Вот почему с такой страстностью и горячностью развертывается эта дискуссия.

Я думаю, что вы наблюдали и наслушались много разговорок, которые идут по Ленинграду. Тут дело не в том, что ущемлено самолюбие тех или иных товарищей, — дело не в этом, а в том, как, в каком порядке, какими рядами пойти партии завтра. Поэтому я думаю, что вы согласитесь со мной, что это — не только вопрос Ленинградской организации, но и всей партии, и можно без всякого преувеличения сказать, что все наши делегаты — 665 человек, которые были на XIV съезде, которые сейчас

разъехались по всему необъятному СССР, — несомненно с напряженнейшим вниманием ждут вместе со своими организациями, как преломятся решения съезда в одной из лучших организаций — в передовой нашей Ленинградской организации.

Партия в целом с напряженным вниманием ждет, что скажут по поводу всего, что произошло на XIV съезде, сто тысяч членов и кандидатов Ленинградской организации. Именно поэтому-то ЦК послал сюда несколько членов ЦК и Политбюро, чтобы помочь сторонникам съезда, большинства съезда, имеющимся здесь, в Ленинграде, помочь всем этим ста тысячам имеющихся здесь членов и кандидатов партии детальнейшим образом разобраться, в чем дело, что именно имело место на XIV съезде. Поэтому, товарищи, по поводу тех, которые с очень большим рвением и горячностью обвиняют, в частности, нас, приехавших сюда, что мы якобы посеяли какую-то рознь, что мы разрушили устой, годами создававшийся в Ленинградской организации, — мы должны сказать, что это неверно. Нельзя скрывать, что в организации сейчас обстановка нездоровая, временами здесь бывает чрезвычайно тяжело. Ленинградская организация переживает очень болезненный, лихорадочный период, в этом нет сомнения. Но это, товарищи, логически совершенно неизбежное явление после всего, что произошло на съезде. Я думаю, вы признаете правильным, когда мы на всех собраниях говорим: «Товарищи ленинградцы, если вам действительно дорого единство и прочность Ленинградской организации, вы должны вопрос поставить иначе, а не так, чтобы сохранить единство Ленинградской организации за счет единства партии». Вы подходите к решению вопроса, говорим мы, не с того конца. Вам надо сказать всем ста тысячам членов партии в Ленинграде: «Объединитесь вокруг решений XIV съезда нашей партии и Центрального Комитета, избранного этим съездом. Если вы вокруг этого Центрального Комитета сумеете объединиться, тем самым вы сумеете создать и единство в Ленинградской организации. Без единства в партии не может быть единства в Ленинградской организации», — говорим мы.

Вот, товарищи, какие трудности стоят перед нами и какие последствия проистекают от того или иного разрешения этого, безусловно, очень серьезного и очень большого вопроса.

В заключение скажу только одно. Мне кажется, что самая тяжелая опасность, которая может выпасть на голову нашего государства и нашей партии, заключается в том, если мы спутаем наши собственные партийные ряды. Это самая преступная, самая недопустимая вещь. Нет более серьезной опасности для революции, для диктатуры пролетариата, чем нетвердость наших собственных рядов.

Мы сумели отбить тысячу опасностей. Мы сумели в полном одиночестве, в самых тяжелых условиях защищать нашу рабоче-крестьянскую родину. Я думаю, что впредь от всякой внешней помехи мы отбиться, безусловно, сумеем. Но горе нашей революции, горе диктатуре пролетариата, если мы запутаем наши собственные коммунистические ряды. Мы уже два года живем без Ленина, без великого вождя и основоположника нашей партии и государства. Мы Ленина заменяем миллионом членов партии, тем огромным коллективом, который мы сейчас имеем. Единство этого коллектива нам нужно сохранить во что бы то ни стало. Если мы это единство сохраним, мы добьемся того, что наша действительно историческая Ленинградская организация снова займет то почетное место, которое принадлежит ей по праву. Я думаю, что, невзирая на ту лихорадку, которую мы переживаем, на ту огромную встряску, которая выпала на долю нашей партии, пройдет немного недель, как мы снова действительно под знаменем, оставленным нам Лениным, с ключами строительства социализма в руках, с теми ключами, которые он нам завещал, весь миллион членов партии, мы все вместе — и Ленинградская организация в первых рядах — пойдем теми путями, которые нам указаны, и будем изо дня в день с большевистской выдержкой, с ленинской решимостью проводить в жизнь те действительно важные решения, которые принял XIV съезд нашей партии. (Продолжительные аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 209—233*

ВООРУЖЕННЫЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИЕЙ УСПЕШНО ЗАВЕРШИМ ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

ДОКЛАД НА ОБЩЕГОРОДСКОМ СОБРАНИИ ПРОПАГАНДИСТОВ
8 ОКТЯБРЯ 1927 г., ЛЕНИНГРАД

ОВЛАДЕТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИЕЙ

Товарищи! Вам уже т. Стецкий сказал в общих чертах о той очень сложной задаче, которая стоит сейчас перед нами в области партийной учебы. Но прежде чем приступить к изложению темы, я думаю, нелишне будет вам сказать следующее. Огромное значение во всей работе нашей партии как до Октября, так и после Октября играло и играет культурное развитие наших рабочих вообще и, в частности, их, так сказать, искушенность в революционной теории.

Без преувеличения можно сказать, что если бы наша страна, о чем очень часто с большой горестью говорил Владимир Ильич, была несколько культурней, то стоящие перед нашей партией задачи разрешались бы гораздо более легко и гораздо более быстро. Это проклятое прошлое тяготеет над нами до сих пор и на тяжелых рубежах революции оно являлось для нас огромным препятствием. И не случайно, что людям не нашего происхождения кажется странным, каким это образом такая отсталая страна, некультурная во всех отношениях, теперь оказывается на передовых позициях и открывает совершенно новые горизонты трудящимся. Все вы знаете, конечно, из самой первоначальной азбуки коммунизма, почему мы победили. Дело в том, что наш рабочий класс имел за долго до Октября Коммунистическую партию, выкованную действительно из крови и железа, и что особенно характерно и что нас безусловно отличает от всех других партий, это то, что мы с самого первого дня своего рождения, с пеленок, во главу угла ставили наше партийное просве-

щение. Условия, конечно, были своеобразные, непохожие на то, что мы имеем сейчас. Каждый из товарищей, находящийся в партии не с Октября, а несколько раньше, который получил партийное образование не в комвузах, а в царских казематах, знает, с каким огромным вниманием мы в свое время подходили к вопросам партийного просвещения.

Устав партии, программа партии — все это разжевывалось несколько иначе, благодаря тем условиям, которые были. Но одно несомненно, товарищи: каждый из тогдашних членов партии, прежде чем получить звание члена партии, находясь еще, так сказать, в кандидатском положении будущего члена партии, он этой стороне дела — партийному просвещению — уделял громадное внимание. Это приводило к тому, что наша партия, в то время немногочисленная, была скована глубоким революционным сознанием и достаточно полным знанием учения Маркса.

Я, товарищи, говорю это не для того, чтобы заняться здесь воспоминанием из прошлого, а хочу сказать несколько неприятную вещь о том, что на данной полосе нашего развития мы очень часто забываем то самое основное и самое главное, что лежит в основе жизни и деятельности нашей партии. Я, конечно, не хочу предъявить современному члену партии требование, чтобы он детально знал все три тома «Капитала», чтобы он был искушенным во всех статьях, — такую задачу перед собой ставить не приходится (многие товарищи здесь улыбаются), — но все-таки не знать такого вопроса, как теория прибавочной стоимости, — это значит ничего не знать.

Если мы сейчас с вами защищаем диктатуру пролетариата, то, я думаю, что вы согласитесь со мной, что если не прощупать до последней буквы теорию классовой борьбы Маркса, то в конце концов никакой диктатуры пролетариата не поймешь. Одно дело, когда в нашей работе в развитии нашей страны не наблюдается никаких заскоков, когда нет никаких острых перегибов, тогда все получается более или менее гладко, и эти вопросы как будто несколько отодвигаются, но как только мы встречаемся с внутрипартийными препятствиями, эти вопросы немедленно выступают во всей своей остроте.

Если мы внимательно посмотрим на отдельные вопросы, которые дискутировались в нашей партии, то они

нам кажутся иногда очень сложными, такими, над которыми нужно много и долго работать. Все это объясняется в значительной мере тем, что широкие слои членов нашей партии до сих пор не знают тех самых основ, на которых покоится программа нашей партии и из которых проистекает все существо нашей теперешней практической работы.

В силу сложной современной обстановки, вследствие сложности тех задач, которые стоят перед нами, каждый из нас завален тысячью всяческих обязанностей, и возвращаться к азам нашей теории очень трудно, но тем не менее это абсолютно необходимо. Когда я привожу эту историческую справку, то я привожу ее не для того, чтобы сказать, что тогда партия была лучше, а сейчас она хуже, — это, конечно, сплошной вздор, но все-таки есть такие черты, которые нас сейчас отличают от тогдашнего положения. Тогда мы все — простите мне за дерзость — могли легко ответить на вопрос: знаешь ли ты «Коммунистический Манифест»? А теперь на очень квалифицированном собрании можно столкнуться с таким положением, что на этот вопрос ответят «знаем», но чтобы разжевать эту маленькую книжечку от первой строки до последней, чтобы понять все громадное значение этой маленькой книжечки — этого сказать нельзя. Я, конечно, не беру особо квалифицированную часть нашей партии, а вот того самого середнячка, который является в некотором роде смычкой между идейными руководителями нашей партии и теми огромными слоями, которые в общем составляют миллион членов нашей партии.

УМЕТЬ СОЧЕТАТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ТЕОРИЮ С ПРАКТИКОЙ

В старое время, несмотря на то, что наша партия тогда насчитывала в своих рядах очень ограниченное количество членов, мы были связаны железной внутривнутрипартийной дисциплиной, которую теперь оппозиция попрадала самым безжалостным образом. Но не она, эта железная дисциплина, была «виновницей» того исторического значения, которое имела наша Коммунистическая партия, а «виной» было то, что каждый член партии эти основы рабочего марксистского мировоззрения знал достаточно полно. Этим объясняется особая настойчивость и особая

твердость, характерная для жизни и деятельности нашей партии. Тогда каждый член партии и партия в целом особенно остро чувствовали — я не могу подобрать другого выражения — огромную моральную правоту своего дела, каждый знал, что у него действительно под ногами совершенно твердая, надежная почва, соскользнуть с которой никоим образом нельзя.

И это же, товарищи, послужило главным основанием того, что наша партия, окруженная в то время самыми разнообразными течениями, о чем вы все прекрасно знаете, которые численно и в смысле своего общественного веса, если можно так выразиться, превосходили нашу партию, все-таки сумела отстоять свои позиции и сумела совершить то великое дело, которое мы сейчас продолжаем.

Все это, в конечном счете, в значительной степени должно объясняться той огромной, твердой, марксистской подкованностью, без которой, конечно, то прошлое, славное прошлое нашей партии было бы невозможно.

Это, товарищи, азбука. Извините, что я вам ее напомню, но, к великому сожалению, я вынужден это сделать и вот почему. Я забегу немного вперед. Вы знаете, что мы сейчас переживаем очень серьезные внутривнутрипартийные затруднения. Сплошь и рядом мы встречаем в своей среде таких товарищей, которые чувствуют себя плохо на тех позициях, вокруг которых разворачивается борьба.

Объясняется это тем, что мы сплошь и рядом недостаточно подкованы в самых основных вопросах.

Мне приходилось часто, например, встречаться с товарищами, чрезвычайно тщательно занимающимися нашими современными, злободневными вопросами. И вся мучительность для них разрешения этих вопросов объясняется тем, что мы не от той, так сказать, печки танцуем.

Если взять задачи наших пропагандистов в старое время, то мы увидим, что пропагандист тогда изучал основы нашего марксистского мировоззрения для того, чтобы вербовать в нашу партию возможно большее количество рабочих, добиваться того, чтобы приобретать возможно большее влияние на беспартийную массу, чтобы в конце концов возможно успешнее разрешать вставшие перед нами тогда те или другие вопросы.

Теперь задача несколько сложнее. Мало того, что нам нужно подводить теоретический фундамент под нашу практическую работу, но самая наша практическая работа стала чрезвычайно сложна. Каждый шаг, каждый день существования члена нашей партии обязывает его не только изучать и знать, но и выполнять положительную работу. Однако какую бы область работы мы ни взяли, она без знаний будет хромать.

В то время, когда мы не стояли у власти, мы не были ответственны за все то, что нас окружало, но мы были ответственны за чистоту нашей партии, за чистоту ее принципов. Сейчас же марксистско-ленинскую теорию приходится вкладывать в практическую жизнь, на основе этой теории строить нашу практическую жизнь. Был бы смехон тот пропагандист, который занимался бы партийной учебой совершенно отвлеченно. В какой бы области учебы ни работал наш пропагандист, он неизбежно должен помнить, что он из своих слушателей готовит, что он сам в том или другом случае сделает, каким образом он должен приложить на практике свои знания.

В данной стадии, накануне той учебы, к которой вы должны будете приступить, сложность нашей работы становится в десять раз больше по сравнению с предшествующим этапом.

О ЗНАЧЕНИИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Не буду вам рассказывать о том, что вы не хуже меня знаете, а именно, что мы сейчас находимся на чрезвычайно ответственном рубеже. Можно без всяких преувеличений, без всяких натяжек сказать, что вся сложность нашей внутрипартийной жизни объясняется именно той исторической полосой, в которой сейчас находится наша страна, наше рабоче-крестьянское государство.

Именно то обстоятельство, что мы сейчас закончили восстановительную эпоху нашего существования, что мы за десять лет уже вчерне отделали нашу страну, что мы в достаточной степени с этим справились и теперь уже переваливаем в новое десятилетие, которое открывает нам новые задачи, — вот этим, на мой взгляд, и объясняются главным образом, если не исключительно, те трудности внутрипартийного положения, которые мы с вами имеем.

Можно в известном смысле сказать, что мы сейчас заново переживаем Октябрь. Задачи, которые мы выполняли десять лет, заключались в том, чтобы развернуть наши пролетарские силы, расчистить дорогу для строительства социализма в нашей стране. *Сейчас мы вырабатываем не только теоретическую, но уже и практическую программу строительства социализма в нашей стране.* В основе мы все части этой программы проверили и считаем, что она была составлена совершенно правильно. Теперь нам нужно выполнить тот план, который мы создали за 10 лет.

И вот то, что этот переворот, этот перевал нам нужно совершить, не замедляя особенно своего хода,— это обстоятельство и заставляет отдельные слои, отдельные ряды нашей партии заколебаться. Было бы, конечно, совсем иначе, если бы вся наша страна сплошь была бы представлена одними коммунистами и рабочими, тогда дело было бы очень просто, но всякий исторический перевал в такой сложной стране, где имеются различные классы, где имеются различные интересы отдельных групп, всякий такой исторический перевал переживается не только нами, коммунистами, не только рабочим классом, но и всеми остальными классами и притом переживается по-разному. Поэтому-то в конечном счете такой перевал должен отразиться на отдельных звеньях нашей партии. Отсюда и создается то внутрипартийное положение, которое мы наблюдаем сейчас.

Мы не забываем ни на одну минуту, что мы находимся в капиталистическом окружении, и как бы ни старались нас блокировать и изолировать, препятствуя распространению нашей коммунистической заразы вовне, тем не менее влияние наше, несомненно, распространяется вокруг. И, несомненно, это влияние не может не преломиться соответствующим образом в окружающих нас странах и в различных классах, живущих в этих странах.

Вы все из газет и из других источников прекрасно знаете, каково теперь наше внешнее положение, но я не в обиду всем нам скажу, что далеко не каждый из нас достаточно отчетливо, достаточно, я бы сказал, непосредственно, руками, ощущает всю сложность нашего теперешнего международного положения.

Нужно сказать, что было время, когда мы все мобилизовали себя до мозга костей для отпора той внешней

опасности, которая на нас надвигается. Наша партия во всеуслышание не только нам, но и всем трудящимся нашего Союза сказала о том, что мы сейчас находимся непосредственно под угрозой военной опасности. Встреонулась как будто вся страна. При этом некоторые группы трудящихся стали не по-революционному реагировать на эти сложные международные отношения. Теперь вы замечаете сами, что подобные настроения начинают проходить. Получился разрыв с англичанами. Конечно, вокруг этого дела поднялась агитация, пропаганда, все встреонулись, поднялись на ноги, а потом посмотрели и стали успокаиваться. И жизнь течет по-прежнему: оппозиция бузит, мы ходим по коллективам, переизбираем бюро, и как будто бы колесо завертелось по-старому. Теперь вот мы с вами вступаем в новый учебный период, и, пожалуй, за всякими текущими делами даже мы сами чувствуем некоторое охлаждение к вопросам международного порядка.

Совершенно не так, конечно, товарищи, обстоит дело, чтобы можно было теперь хотя бы на один градус снизить наше внимание к этой внешней обстановке. Некоторое охлаждение, о котором я говорю, объясняется тем, что мы, живущие в революционную эпоху, привыкли измерять всякое явление короткими расстояниями. Если война завтра, это нас беспокоит, а если через полгода, то об этом нечего особенно думать, можно спать спокойно; через полгода как-нибудь мы вывернемся и т. д. И вот мы начинаем как бы отдаляться от этой опасности, перестаем ее ощущать. А между тем, товарищи, то, что произошло за последнее время, это несколько не охладило атмосферы и не уменьшило той сложности во внешней обстановке, в которой мы находимся. У нас получилось так, что мы остроту положения в один момент как бы почувствовали, а затем об этом позабыли, и теперь уже не думаем о том, что оттуда, извне, к нам протягивается множество щупальцев из буржуазных, капиталистических стран, много рук стараются организовать антисоветское дело и выступить во всеоружии против нашего Советского Союза.

Я думаю, нам долго ждать не придется того момента, когда нам снова напомнят, что мы окружены горячими угольями, что нам приходится ходить вокруг этих горячих угольков.

СДЕЛАТЬ ПАРТИЙНУЮ ПРОПАГАНДУ ДЕЙСТВЕННОЙ, АКТИВНОЙ

Первое десятилетие Октябрьской революции, которое мы будем скоро праздновать, это колоссальной важности событие у всех трудящихся, у любого из нас в особенности, не может не вызывать восторга. Но вокруг нас правителями капиталистических стран это событие расценивается совершенно иначе. Все это ставит перед нашей партией новые задачи, это снова и снова заставляет нашу партию повернуть свое внимание от практической повседневной работы к подготовке во всех областях защиты нашего с вами существования.

Если мы, вообще говоря, не очень сильны во всяческих культурных достижениях, то надо сказать, что и в партийном отношении, в области нашего чисто партийного воспитания мы тоже не в достаточной степени подкованы для того, чтобы нам легко было все эти вопросы разрешить.

Нужно сказать, что наша отсталость, наследие черного прошлого, постоянно дает себя чувствовать и не только в том, что мы — как это мы сами сознаем — не совсем многогранно просвещенные люди. Вы вот знаете, например, что всякая группа людей имеет свою психологию. Возьмите, например, нашего честного, хорошего беспартийного рабочего, который во всякое время готов защищать нашу Советскую власть и диктатуру пролетариата: он сплошь и рядом находится во власти такой психологии, таких рассуждений, что есть, мол, партия, которой и книги в руки, пусть она все дела разрешает. Он готов сделать все, что потребуется от него, а дальше — это дело партии, пусть она рассудит. Несомненно, так примерно настроен очень заметный, очень большой слой рабочих. Но, к нашему прискорбию, такое явление есть и у нас в партии. Есть такие товарищи, которые привыкли к тому, что за них кто-то подумает, решит, а их дело в сущности выполнить то, что им предложено. Им предложат, и они выполняют самым добросовестным и самым точным образом, на сто процентов, но чтобы ему самому пошевелиться, — он считает, что это не его специальность. Чем это объясняется? Не тем, что у нас люди своеобразные, а тем, что эта неподвижность, являющаяся наследием черного прошлого, тяготеет над нами самым безжалостным образом.

Это осложняет и нашу государственную работу. Тот рубеж в нашей строительной работе, о котором я вам говорил, распадается на целый ряд деталей, которые каждый из вас прекрасно знает. Мы все очень внимательно относимся к лозунгу, скажем, рационализации производства. Мы должны всю нашу промышленную экономику перевернуть, что называется, и поставить на совершенно новые рельсы. Это каждый из нас, каждый из наших товарищей в кружке, в ячейке знает. Но вот, если спросить по совести, много ли у нас таких товарищей, которые думают и знают, как все это в конечном счете сделать? Мы знаем, что будут у нас новые машины, новая техника, разные конвейеры, такие, что даже Форду не снилось. Все это у нас проработано, протрудировано, прошло через газеты и т. д. Когда мы переходили из одной ступени в другую, все это мы к экзамену готовили, все это мы знаем. Но вот как это должно быть в действительности, с какого конца и как это дело начнется, то здесь, если спросить по совести, многие в нашей миллионной партии этого дела непосредственно не разбирают. Конечно, лозунг рационализации мы все одобряем. Но как это дело начать, как это будет происходить в действительности — об этом не так-то очень многие думали. Да простят мне товарищи профессиональные пропагандисты, если взять их, то, например, у них, наверное, язык заболел, сколько раз они говорили об этой рационализации, а сами-то они думали об этом, хотя бы не для того, чтобы Америку для партии открыть, но вот так, для себя? В большинстве случаев нет. Его дело «пропагандировать» эту мысль, а там уже кто-то должен обо всем остальном подумать. Такая специализация ни к чему, потому что мы с вами — пропагандисты-агитаторы, марксисты-ленинцы, а не католические или другие попы. Если бы это нужно было для спасения души, тогда «распропагандировал» — и ладно. Но весь смысл и все значение нашей пропаганды заключается в том, что мы должны не только распропагандировать, но, распропагандировав, научить человека делать то-то и то-то. Мы партия действия — вот в чем секрет. Это в значительной мере осложняет дело. Было бы это еще, пожалуй, проще, если бы мы не были партией массовой, партией рабочего класса. Мы часто говорим о том, что Владимир Ильич был великий человек. А в чем его главное величие? Его главное величие заключалось

в том, что он умел понять, почувствовать, впитать в себя огромную энергию, которая имеется в нашем рабочем классе. Вот в чем его главное величие. Были в истории человечества гениальные люди, но это были люди, так сказать, не имеющие непосредственной точки опоры, они не имели таких корней в могучей глыбе, которая называется рабочим классом, как Владимир Ильич. Он никогда не был один, никогда за всю свою жизнь, а всегда был с миллионами трудящихся. Это ему и давало ту колоссальную, несокрушимую силу, которая не знала никаких препятствий на своем пути. Быть всегда с массами — это, товарищи, самое ценное и самое святое в нашей партии, а если это так, то нужно всю работу строить таким образом, чтобы не было той кривобокой специализации, о которой я вам говорил. Возьмите любую отрасль работы и те очередные задачи, которые стоят перед нами. Чем ближе мы к ним присмотримся, тем с большим вниманием должны возвратиться к тому, что называется нашим партийным просвещением. Я беру *партийное просвещение* в широком смысле этого слова.

ПОСТАВИТЬ ПАРТИЙНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НА УРОВЕНЬ НОВЫХ ЗАДАЧ

Товарищи! Перед нами стоит целый ряд очередных задач, осуществление которых в конечном счете должно помочь нам проделать этот самый исторический переход из одного десятилетия в другое. Случилось такое хронологическое совпадение — мы заканчиваем десятилетие и вместе с тем заканчиваем первоначальный период нашего строительства. Если мы теперь, товарищи, не сумеем расшевелить, привести в движение весь наш рабочий класс, мы, конечно, этот переход будем совершать еще с большими трудностями, чем те, которые мы имели сейчас. Если в тот момент, когда мы приступили непосредственно к реконструкции всего громадного рабоче-крестьянского хозяйства, нашей советской экономики, мы не сумеем подготовить себя на этом ответственном рубеже целиком и полностью к новой знаменательной эпохе, то внутрипартийный кризис, который мы переживали, будет перманентным и может приобрести еще более острую форму. Не случайно получилось, что десять лет мы с вами строили, десять лет занимались огромнейшей работой, десять лет

являли не только друзьям, но и врагам величайшие примеры успешного строительства, а теперь — извольте радоваться — через десять лет *оппозиция спрашивает*, что мы, собственно говоря, строим — социализм или что-нибудь другое, чем это мы с вами все это время занимались? Кажется парадоксальным, как возник этот вопрос. До сих пор все было гладко, хорошо, а вот теперь, когда мы закончили постройку вчерне, когда начинаем заниматься более детальной архитектурной отделкой, то нас спрашивают: «А что вы в сущности делали? Социализм? Ничего подобного, в лучшем случае вы занимались созданием государственного капитализма». Это не случайное явление. Малейшая трещинка внутри нас служит тем огоньком, на который летят «бабочки», которые ничего общего с рабочим классом не имеют. И это опять, если мы внимательно всмотримся в это дело, возвращает нас к необходимости улучшения нашего внутрипартийного просвещения. Каждый новый день, каждый новый этап выдвигает задачи, от которых не отвернешься и которые возвращают нас к основным вопросам внутрипартийной учебы. Надо сказать, что по мере укрепления нашего социалистического общества, по мере усиления социалистических элементов в нашей стране, по мере того как все более и более мы становимся организованным и твердым государством, сама жизнь не только становится сложнее, но требует от нас гораздо большего внимания, чем было раньше. Если взять наше существование четыре-пять лет тому назад и сравнить с теперешним, мы увидим, что было много областей работы, куда и заглядывать не приходилось, они шли самотеком, мимо нас, мы были заняты другим. Вышедшие из пекла гражданской войны, мы были заняты собиранием после разрухи всех крох, которые были разбросаны по огромным пространствам нашей территории. Теперь, когда все собрано, когда мы все сорганизовали, сложили, появляются новые грани в нашей работе. И сейчас, можно сказать, нет уже ни одной области хозяйственной и культурной жизни, мимо которой коммунист мог бы проходить. Теперь он является правителем в полном смысле слова, запросы выпирают со всех сторон, требуют внимания те области, которые были раньше за семью печатями.

Возьмите такую область, как литература. За какой-нибудь очень небольшой промежуток времени, четыре-пять

лет тому назад, краешком уха о ней слышали, кое-когда, между прочим этим занимались, а сейчас нет, сейчас это уже неперемное и очень заметное звено всей нашей общей жизни, и было бы, конечно, странно, если бы член нашей партии проходил мимо этого дела так, спустя рукава. Литература уже является заметной, солидной частью нашей теперешней жизни, теперь она приобретает совершенно определенное влияние на огромные слои трудящихся нашей страны. Мимо этой области может ли пройти сознательный, отдающий себе отчет в работе коммунист? Конечно, нет. Самым внимательным образом он должен во всем этом разбираться.

Если мы так будем всматриваться дальше, мы увидим целый ряд других областей, которые были, так сказать, нам не то что не нужны, но для нас незаметны, а сейчас выдвигаются вперед. Можно вам перечислить множество явлений, которые совсем еще недавно, если бы их кто и пропустил, то из этого большого греха не вышло бы, а сейчас они приобретают большое значение. От каждого члена партии, сознательно исполняющего те или другие ответственные обязанности, ответственную работу, эти вопросы требуют самого непосредственного ответа и сплошь и рядом самого непосредственного вмешательства.

Я думаю, что те из вас, которые находятся, скажем, на партийной руководящей работе, скорее всего поймут всю сложность нашей теперешней обстановки.

Пусть каждый продумает характер вопросов, которыми он занимается в течение дня, и он увидит, что здесь, в Ленинграде, он должен заниматься и вопросами зарплаты, и кооперации, и рабочим жилищным строительством, и Академией наук, и вузом каким-нибудь. Во всем он должен разобраться и на все он должен соответствующим образом реагировать. Конечно, организационно — где кого назначить, кого переместить — это мы без особого труда совершаем, но дело не только в этом. Дело в том, что у нас есть высокие, почтенные культурные учреждения, которые известны всему миру, созданы 200 лет тому назад и проявляют себя таким образом, который совсем не пристал Советскому государству. Я имею в виду Академию наук. Там высокие авторитеты, большие ценности человеческого ума сосредоточены в этих самых палатах, но сплошь и рядом бывает так, что там приходится чув-

ствовать себя как бы совершенно чужим. На все это надо как-то реагировать, и все это требует знаний и умения, чтобы работу высококультурных людей соединить с тем, что называется марксизмом и ленинизмом. Не обижая никого, нужно сказать, что среди этих высоких людей, быть может, иногда имеются не совсем сознательно уклоняющиеся от нашего общего советского русла, я уже не говорю о коммунистическом русле.

Все это, товарищи, надо как-то направить, не ограничиваясь словами «белогвардейщина» и т. п., все это требует от каждого из нас какого-то минимума знаний, при помощи которых можно было бы все это дело повернуть, причем в основе этого минимума должен лежать вот этот самый марксизм-ленинизм.

Нужно иметь в виду, что чем прочнее мы с вами станем, — если пройдет пара-другая лет и мы с вами будем живы, — вы сами увидите, как за этот короткий промежуток времени вся наша работа еще более усложнится в несколько раз. Усложнится потому, что чем мы больше начинаем поднимать нашу страну, тем быстрее она будет развиваться уже не в простой, а, так сказать, в геометрической прогрессии. И вот тут-то каждому из нас нужно очень и очень за всем поторапливаться.

Отсюда понятна та жажда знаний, которая особенно замечается у наших товарищей помоложе. Должен сказать, что это стремление тоже сплошь и рядом у нас, коммунистов, выражается совершенно своеобразно. Например, когда какого-нибудь товарища приглашают на ту или иную партийную учебу, просят его уделить на это хотя бы часик-другой, чтобы изучить эту самую азбуку марксизма-ленинизма, он к этому делу относится в достаточной степени прохладно и говорит: «Если бы в вуз какой-нибудь технический меня пригласили, я бы с полным удовольствием, потому что надоело так болтаться».

Видите ли, ему надоело «болтаться» около марксизма-ленинизма, около воспитания рабочего класса, ему нужно в вуз! Он говорит: «Я буду инженером, пойду на Свирь-строй, сделаю полезное дело».

Нужно так ставить дело, дорогие товарищи, чтобы когда ты идешь в вуз, так в одну руку возьми механику или технику, а вот сюда положи Ильича — так будет лучше. Конечно, это сложно: стипендия у тебя нищенская, приходится всячески изворачиваться, но все-таки, дорогой

товарищ, нужно найти на все время. Когда читаешь о сопротивлении материалов, не забывай о сопротивлении буржуазии. (А плоды смелы, смех.)

О ЗНАЧЕНИИ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ДЕЛЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ОППОЗИЦИИ

Я думаю, товарищи, что, если вы наблюдали весь наш внутривнутрипартийный обиход, вы с этим вполне должны согласиться. Конечно, никто не будет говорить, что нашу коммунистическую молодежь нужно растить так, чтобы она знала только одни наши революционные науки. Безусловно, помимо всего этого из нашей молодежи нужно готовить полезных работников различных отраслей. Это правильно, так это и делается. Но наряду с этим нельзя допускать того, что мы теперь уже иногда замечаем. Как будто кое-кто хочет сказать: о чем собственно нам сейчас хлопотать? Все у нас налажено, все сделано более или менее подходяще. Даже иностранцы говорят, что мы строим «приемлемо» (что мы построим, в этом они все-таки еще сомневаются). Однако чем дальше, тем больше и больше нам нужно похлопотать и еще об очень многом.

Вернемся к этим самым нашим внутривнутрипартийным делам. Каждый из вас, конечно, чувствует то положение, которое внутри нашей партии сейчас создано. Создано оно не сегодня, а порядочно уже времени тому назад, сейчас, однако, оно все дальше разворачивается и принимает беспощадные формы.

Все вы знаете о нелегальной типографии. Вы слышали, конечно, о том, что имеется уже не только кустарная типография, но имеются и квалифицированные типографии.

Я не знаю, видел ли кто-нибудь из вас, но я, по крайней мере, по долгу службы видел один экземпляр оппозиционной программы, исполненной уже в печатном виде на типографских машинах, — так что сейчас и вы можете увидеть печатные экземпляры. Но это все дело больше техники подпольной касается. Но вы знаете, что этот эпизод с типографией сопровождается таким явлением, как было в Москве, а именно, смычкой с беспартийными мелкобуржуазными интеллигентами. Говорят, что это единственный случай, что так, «какой-то интеллигент случайно оказался», но, товарищи, вы понимаете, что случайного

вообще в природе ничего не бывает, и у нас в Коммунистической партии, даже в оппозиционной работе, тоже никаких «случаев» не может быть. Видимо, дело зашло чрезвычайно далеко. Это ставит перед нашей партией снова и снова вопрос об укреплении нашего внутривнутрипартийного бытия, о твердом знании основы нашей партии, программы нашей партии в первую очередь.

И вот дальше вы, конечно, будете ближе и лучше разбирать, как будет строиться наша партийная учеба, но, очевидно, с сегодняшнего дня в нашей партийной учебе нам нужно будет, памятуя об основе нашего существования, о марксизме-ленинизме, взять уклон на ближайший досъездовский период именно в эту сторону, разъяснить все наши внутривнутрипартийные разногласия. Нужно добиться того, чтобы для каждого члена партии этот вопрос представлял бы полную ясность и полную отчетливость. Я думаю, что никогда мы так далеко не заходили во внутривнутрипартийной борьбе, как теперь наша оппозиция. Конечно, товарищи, дело обстоит в высокой степени печально для оппозиции, если она договаривается до создания второй партии! Правда, раньше, когда мы им говорили, что у них есть стремление организовать новую партию, то каждый из них говорил, что он достаточно хорошо себя чувствует в нашей существующей партии, зачем-де ему создавать новую. Но все это оказалось словами. Совершенно определенно все рамки нашего внутривнутрипартийного житья теперь уже нарушены. Они имели уже подпольные собрания, подпольные типографии, смычку с чуждым элементом. Правда, они говорят, что это «техника», но вы знаете, что за этой «техникой» может и должно последовать что-нибудь другое. Вы знаете, что сейчас вся беспартийная масса насторожила уши и смотрит, что будет происходить. А если вы пройдете по всем нашим высоким государственным учреждениям, наполненным в достаточном числе беспартийными специалистами, и если бы вы смогли поговорить с ними по душам и узнать, как и что они чувствуют, то вы бы увидели, как наша внутривнутрипартийная драка отражается на работе всего государственного аппарата. В этом никакого сомнения нет. Мы действительно хорошо сумели использовать специалистов и вообще все слои квалифицированной интеллигенции, но надо знать, что вся эта публика по природе своей, если даже она на все сто процентов советская, все-таки всегда имеет одно

качество — держать нос по ветру. Они хорошо работают, когда все обстоит благополучно, а когда партийный ветер начинает дуть в сторону, тогда все эти спецы меняются: одни сюда, другие туда. Если, скажем так, во главе того или иного учреждения стоял раньше бывший член нашей партии, который теперь из партии исключен за оппозицию, то когда он сидел в этом самом учреждении, Госплвеи, он шил так, а когда посадят представителя большинства, то строчка совсем будет другая, уж в этом будьте спокойны. И специалисты прекрасно это учитывают. Так что если получается изменение курса, то это сейчас же рикошетом отражается на всем нашем аппарате.

Нам просто относиться ко всем этим делам не приходится, и тот остаток времени, который мы имеем до съезда, мы должны будем использовать так, чтобы всю учебу наладить в сторону изучения и разъяснения наших внутрипартийных разногласий.

Конечно, для вас, собравшихся здесь, все эти вопросы совершенно ясны, но у нас, не забывайте, имеется миллионная партия, и надо сказать, что в этой партии, конечно, есть определенный слой (я не знаю, насколько он велик, это трудно сказать), который в значительной мере является безучастным к нашим внутрипартийным спорам, безучастным в том отношении, что он не дает себе отчета во всех тех спорных вопросах, которые у нас имеются, именно, о крестьянстве, о рабочем вопросе, о характере нашей промышленности, о характере нашей революции и т. д.

Когда оппозиция рассматривает тот или другой коллектив, то говорит: двадцать человек там наших, шестьдесят ваших, а все остальное — это болото, и вот за это болото идет сейчас война. Вот как квалифицирует состав нашей партии оппозиция. Насчет болота я не сказал бы так, но что есть известный слой в партии, который держит себя нейтрально в этой нашей внутрипартийной драке, то в этом нет никаких сомнений. И наша задача, задача всей нашей партии, заключается не только в том, чтобы каждый из нас был подкован на все, как говорится, четыре ноги во всех этих вопросах, но и в том, чтобы из этой болезненной полосы, которую мы сейчас переживаем, выйти как можно более сильными.

ЧЕТКО РАЗЪЯСНИТЬ СУЩНОСТЬ УКЛОНОВ ОТ ЛЕНИНИЗМА У ОППОЗИЦИИ

Каждый из вас понимает, что дело сейчас заключается не только в том, чтобы на очередном нашем съезде разоблачить как следует нашу оппозицию. Мы это сделаем, это несомненно, но сделать это нужно при одном желательном для нас условии: чтобы максимальное число членов партии, недостаточно отчетливо сейчас представляющее себе все эти вопросы, чтобы они в результате этой дискуссии стали бы на линию борьбы, которую мы ведем, вышли более сознательными и убежденными в правильности линии большинства нашей партии. Вот такая задача, товарищи, стоит перед нами.

Нам нужно добиться не только того, чтобы разоблачить, раздеть донага нашу почтенную оппозицию. Это сравнительно легкое дело, и оно будет выполнено нами, несомненно, на все сто процентов. В этом не может быть никакого сомнения. Но вот если на ответственном рубеже нас застали эти спорные вопросы, надо сделать таким образом, чтобы члены нашей партии в максимальном количестве на все эти вопросы дали каждый для себя совершенно точные, ясные, ленинские, марксистские ответы. В истории нашей партии так обычно и бывало. Ведь, товарищи, прочность нашей партии, ее твердая и железная сознательность объясняется тем, что она с первых дней своего существования шла под непосредственным обстрелом и, конечно, под обстрелом не только царского самодержавия и помещиков, но и разных мелкобуржуазных соседей. Никогда наша большевистская партия не была одна, всегда были те или иные попутчики, которые с разных сторон ручьями подходили, стараясь нас захлестнуть. И вот, борясь и с правыми и с «левыми», отбиваясь от их натисков, мы сумели выковать большевистское сознание членов нашей партии.

Далее, товарищи, часто приходится слышать, что вот мы толкуем о том, о сем, но нет никакого материала об оппозиции, нет литературы; выходит так, что как будто бы не на чем воспитываться. Вот если бы все это напечатать да раздать, да прочитать, тогда совсем другое дело. Совсем это не так. В сущности, о чем мы сейчас спорим? Конечно, ходит много всяких нелегальных шпаргалок, платформ и т. д., но, я думаю, каждый из вас, кто видел

эти шпаргалки, знает, что там, в конечном счете, все те же вопросы, которые мы с вами уже достаточно хорошо дебатировали, о которых есть целая куча всяческой литературы совершенно легальной, которую можно достать в любом нашем книжном советском магазине. Вопрос идет опять-таки о социализме, о крестьянстве, о рабочем, о зарплате, о госкапитализме, о темпе индустриализации и т. д., только все это преподносится в несколько иных формах и выражениях.

Правда, единственный вопрос, который сейчас прибавился,— это национальный вопрос, о котором на XIV съезде, как вы, вероятно, знаете, оппозиция не говорила. Этот вопрос тогда не выдвигался. А теперь, когда борьба зашла так далеко, и национальный вопрос пристегнули. Теперь говорят такие замечательные вещи, что надо, например, проверить такое явление, как Закавказская федерация, насколько она оправдала себя. Это теперь интернационализм наизнанку. Оппозиция обвиняет нас в том, что мы с вами самая настоящая кацапня, дальше того, что есть в нашей стране, мы ничего не видим, что мировая революция и все прочее, этому-де мы с вами не верим, мы узкие националисты, ограниченные люди. А вот Троцкий и Зиновьев — это настоящие интернационалисты, у них не только на нашей земле, но и на Марсе и на Луне все обдуманно по-настоящему. И оппозиция теперь говорит, что надо проверить целесообразность существования Закавказской федерации. Минимум интернационализма заключается в том, товарищи, чтобы эти закавказские народы жили не каждый в своей политической государственной хате, а старались окошки и двери открыть, ходили друг к другу, не запирая хаты, не обороняясь друг от друга,— вот минимум интернационализма. Оппозиция говорит, что не мешало бы Закавказскую федерацию пересмотреть — насколько она оправдала себя. Я думаю, товарищи, что мы и Закавказскую федерацию создали для того, чтобы в конце концов наш огромный, многомиллионный Советский Союз, населенный всяческими племенами и народами, сделать единой дружной семьей. Так как будто бы выходило. По крайней мере даже пионеры старшего возраста в это дело верят. Оппозиция сейчас говорит: надо проверить, такой ли дорогой надо идти.

Вот, кажется, единственно новое, что сейчас выдвигается оппозицией. Все же остальное уже давно изве-

стно — это все те же самые вопросы, по которым шла борьба и раньше, но только преподносится все это в иных формах и предложениях. Например, раньше говорили: есть партия, а теперь из оппозиции уже говорят нам, что партии нет, а есть фракция большинства. Раньше был Центральный Комитет, было большинство ЦК, а постепенно и это исчезает, и вместо этого говорится, что есть только товарищ Сталин. ЦК партии это так себе, вы видели в шпалгалках, как Центральный Комитет квалифицируется: это — если не кулачье, то ближе всего к кулакам; это — центристы, все что угодно, но партии и ленинцев нет, ленинцы все там, у оппозиции остаются.

Ссылаться на то, что у нас нет достаточного количества литературы, нельзя, это пустяки. Нужно следить не только за той литературой, которая выходит сегодня, но надо только забывать и того, что вышло вчера, что вышло в прошлом и позапрошлом году. По части идеологии Троцкого тут литературы хоть отбавляй. По моему мнению, блестящие страницы для изучения троцкизма и о вреде троцкизма есть у Зиновьева. Есть по этому поводу речи и у Каменева. Если бы каждый их проштудировал понастоящему, то, конечно, он мог бы понять те перманентные ошибки Троцкого, которые он делает. Или наоборот, у Троцкого можно найти пророческие вещи по части Зиновьева. Вот почему, когда говорят: все бы ничего, да литературы нет, — то это является в значительной степени отговоркой. Мы всегда требуем «горячего», требуем, чтобы все было положено, разжевано и пр. Мы теперь находимся в таком возрасте, когда зубы у нас пробились не молочные, а настоящие, которыми мы можем грызть, как говорил Троцкий, этот самый гранит науки. Впрочем, что касается гранита, то это, правду сказать, слишком жестко, можно бы подобрать что-нибудь помягче. Эта задача — изучение, у нас, товарищи, к великому сожалению, в загоне. Тут я мог бы привести прискорбные примеры. Спрашивают у одного товарища: «Скажи, в чем же сущность теперешних внутренних разногласий?» Он отвечает: «Да я за последнее время работой завален, не читал газет». И это говорит кандидат партии! Это как раз яркий пример того, что называется быть нейтральным, если не хуже, в деле внутривнутрипартийной драки. Конечно, можно все забыть, но не поинтересоваться хотя бы кратко тем, что у нас в партии происходит, — это уже никуда не годится.

И вот исправление этого положения, товарищи, в громадной степени будет зависеть от вас. Это очень тяжелая задача, у многих эти вопросы в зубах навязли, но тем не менее, товарищи, от этого не уйдешь, и нашу ближайшую учебу, очевидно, нужно направить всю, по крайней мере до съезда нашей партии, по этому руслу. Мы никак не можем успокаиваться на той мысли, что вот если подсчитать голоса, то окажется: в таком-то коллективе всего пять-шесть человек сторонников оппозиции, на съезде может быть они найдут еще двух-трех чудаков, их, конечно, положат на обе лопатки. Товарищи, не эта задача стоит перед нами. Эту задачу мы разрешим, и оппозиция прекрасно знает, что мы ее разрешим. Задача в том, чтобы отрезать пути для повторения того, что у нас есть теперь. А отрезать пути можно в том случае, если мы сумеем на тех вопросах, вокруг которых ведет борьбу оппозиция, на этих вопросах, заостренных нашей теперешней практикой, воспитать каждого члена партии хотя бы настолько, чтобы он понимал действительно, что у нас строится социализм, а не что-то другое, что в крестьянстве расслоение происходит совсем не такое, какое имело место в капиталистическом обиходе. Все эти вопросы должны стать непосредственным близким достоянием каждого члена нашей партии.

Вот такая задача на тот короткий промежуток времени, который остается до съезда, стоит сейчас перед нами. Работа эта очень сложная, но ее сделать надо. Лишь в этом случае мы выйдем с очередного съезда партии, не только разоблачив оппозицию, но и спаяв на этой основе, на огне нашей внутрипартийной борьбы, огромные миллионные ряды нашей партии.

Это не значит, что мы гарантированы в дальнейшем, что мы получим противоположную прививку и что дальше пойдет тишь и гладь в нашей партии. Нет, не только этот, но впоследствии еще не один изгиб мы переживем в нашей партии в период строительства социализма. При той сложности вопросов, которые перед нами стоят, и при том своеобразном развитии, которое наблюдается в странах Европы и Америки, конечно, у нас будут не раз еще всякие разочарования. Еще многих может изумить какая-нибудь новая стабилизация, конечно, не раз еще надвинутся на голову нашего Союза тысячи всяких опасностей, все это будет отражаться на нашей пар-

тии. Но если мы будем каждый этап нашей борьбы использовать, поднимая сознание миллионов, мы будем выходить более сильными, более стойкими из нашей борьбы, а стойкости требуется от нас много, очень много. (Если проанализировать состояние нашей оппозиции, то можно будет сказать, что, помимо всего прочего, там именно насчет стойкости слабовато получилось.) Все мы сейчас прекрасно понимаем сущность стабилизации, наступившей в капиталистических странах, мы прекрасно понимаем, что нам лишний раз, и может быть еще более преступно, будут изменять патентованные изменники социализма, мы все это прекрасно понимаем и должны все это разъяснить всем без исключения членам партии.

Так или иначе, товарищи, но вот эта теперешняя наша очередная задача ставит нас в необходимость повернуть, а может и несколько сломать программу нашей партийной учебы и начать ее с того места, которое называется нашими теперешними внутрипартийными разногласиями.

Не нужно терять ни одного часа. Чем больше времени мы потратим на этот вопрос до нашего очередного съезда, тем более мы станем крепкими, тем более безболезненно выйдем из этой полосы нашей внутрипартийной борьбы.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ РАБОЧЕМУ ПРОПАГАНДИСТУ!

В заключение я хотел бы сказать следующее. У нас есть еще одно качественно новое обстоятельство, которое нам дает большую уверенность в том, что в ближайшее время мы будем гарантированы в успехе нашего партийного воспитания. Совершенно справедливо Ленинградский Губком партии обратил внимание на выращивание рабочего пропагандиста — это величайшее дело для нашего партийного воспитания.

Мне вспоминаются слова Владимира Ильича, когда он говорил нам впервые о необходимости образования института рабочих корреспондентов. Тогда это дело было новое и мало кто из нас представлял себе, как это выйдет. Казалось, что это трудновато. Ведь для этого нужно быть достаточно грамотным человеком, рабочему нашему будет трудновато стать корреспондентом и т. д. Теперь вы видите, что институт рабочих корреспондентов помаленьку развился в величайшую силу. Теперь мы к этому привыкли, нам этот институт кажется делом уже установив-

шимся, укоренившимся, потому что нет фабрики, нет завода, нет маленького предприятия, на котором не было бы рабочего корреспондента, не было бы глазка рабочего класса, который освещает жизнь и деятельность данной фабрики или завода.

То же самое и насчет рабочего пропагандиста. Вы все знаете историю нашей пропаганды. Выходило так, что пропагандой занимались почти исключительно интеллигенты. Вы знаете, какую роль в этом деле играло студенчество в прошлое время и т. д. и т. д.

И вот теперь, когда мы развертываем особенно широко нашу пропагандистскую работу, мы имеем в Ленинграде громадную когорту рабочих пропагандистов. Наши работники по пропаганде и агитации могли бы вам рассказать замечательные вещи по этому вопросу. Вначале как будто угловато это дело проходило, а теперь, на протяжении небольшого времени, институт рабочих пропагандистов в деле партийного воспитания становится самым главным, самым ценным звеном. Когда инстинкт рабочего подкрепляется теоретическими знаниями марксизма-ленинизма, — ведь лучшего проводника наших идей, лучшего воспитателя широкой рабочей массы вы не найдете.

Поэтому, товарищи, институт этот нам нужно культивировать, развивать его самым внимательным, самым бережным образом. В этом залог выполнения того, о чем я говорил в первой половине своего сообщения: мало заниматься просто партийным воспитанием, пропагандой и агитацией, нужно, чтобы все это увязывалось с практической работой, с задачами сегодняшнего дня; нужно, чтобы это увязывалось у каждого из нас, который проходит партийную учебу. Лучшего исполнителя подобной задачи, чем рабочий пропагандист, мы, конечно, в таком деле не найдем. Рабочий пропагандист сам ближе может подойти к массе, и к нему подойти гораздо проще. Все им будет передано гораздо доступнее, и пропаганда даст большие успехи.

Я говорю, что те товарищи, которые работают в этой области, могли бы уже дать тысячи примеров успешности работы рабочих пропагандистов.

Их работа является лучшей гарантией того, что когда мы перейдем к нормальным условиям нашей партийной учебы и партийного воспитания, мы сможем достичь еще больших успехов в этом деле.

Наши рабочие пропагандисты играют и впредь должны будут играть величайшую роль в деле нашего партийного воспитания.

Таким образом, несмотря на всю сложность наших задач, я думаю, что мы с ними справимся при одном непременном условии: если товарищи, имеющие то или другое отношение к организации нашего партийного воспитания, нашей партийной учебы, если они действительно, по-настоящему отдадут себе полный отчет в том положении, в котором находится сейчас наша партия, если они сумеют поставить в центре партийной учебы те задачи, которые стоят перед нашей партией как внутри, так и вне нашей страны. Если мы действительно проникнемся по-ленински стремлением преодолеть все внешние и внутренние затруднения, преодолеть с полным сознанием своей правоты, то, несмотря на все запугивания, несмотря на то, что нам кричат о возможном развале наших рядов, мы все эти трудности изживем безболезненно.

Товарищи, я не брал на себя задачу излагать во всех деталях построение нашего партийного просвещения. Это в мою задачу не входит, это задача людей, которые на это дело специально поставлены. Моя задача была только в том, чтобы напомнить вам, насколько это в моих силах, о той высокой сознательности, которая от нас требуется особенно теперь, о том, что мы действительно переживаем высокоответственный момент и непосредственно это ощущаем,— о той сознательности, которая нам необходима при переходе к новому периоду нашей работы, когда мы будем строить социализм, строить его таким образом, чтобы не только беспартийные рабочие Западной Европы, но чтобы и товарищи, разделяющие еще взгляды оппозиции, чтобы все члены нашей партии видели ясно, что мы строим десять лет и что мы начинаем строить в новое десятилетие действительно социалистическое общество и ничто другое.

Мы этого, товарищи, должны добиваться во что бы то ни стало. Не оппозиционеров нам нужно убедить, а нам нужно на этом рубеже, в великую годовщину Октября всем миллионам наших трудящихся лишний раз продемонстрировать правоту своего ленинско-марксистского дела, показать всю ту величайшую работу, которую мы с вами сделали за десять лет, показать и объяснить это таким образом, чтобы каждый трудящийся, с завтрашнего

дня вступая в новое десятилетие, был бы готов идти вперед с огромным самопожертвованием и с полным сознанием своей правоты, правоты того великого дела, которое мы с вами начали десять лет тому назад. (Бурные аплодисменты.)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 413—442*

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЕННЫХ ВСЕГО МИРА

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ЛЕНСОВЕТА,
ПОСВЯЩЕННОМ ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
6 НОЯБРЯ 1927 г.

(Появление тов. С. М. Кирова встречается продолжительными аплодисментами.)

Товарищи! Всего несколько часов отделяют нас от десятилетия той великой исторической даты, когда ленинградские рабочие, руководимые вождем нашей партии и рабочего класса товарищем Лениным, подняли знамя восстания против капитала.

Товарищи, мы с вами вступили в такую полосу, когда не только рабочие нашего Советского Союза, но и трудящиеся всего мира видят наглядно результаты того великого, того огромного дела, которое мы здесь совершаем. Тот праздник, который мы с вами празднуем сейчас, является праздником рабочего класса, праздником трудящихся всего мира. Говорить, товарищи, об истории Октября, это значит говорить об истории революционного движения не только нашей страны, но и об истории революции во всем мире. История Октября — это есть история освобождения всего трудящегося человечества. В этом главное, основное, великое значение нашей Октябрьской революции.

Вы все, товарищи, помните, как развернули мы наше красное знамя десять лет тому назад. Вы все, товарищи, помните, что первый наш выход на баррикады явился, прежде всего, ударом по международному империализму. Огромная страна, находящаяся вместе с другими великими державами в тисках империалистической войны, оказалась выбывшей из мировой бойни. Наши рабочие,

солдаты и крестьяне сломали железный империалистический фронт и этим положили начало наступающим великим мировым потрясениям. Октябрьская революция разнеслась глубокими раскатами по всем странам. Она не только опрокинула власть империалистов внутри нашей страны, она пошла гораздо дальше. Она расшатала ту огромную империалистическую цепь, которая своею тяжестью сковывала весь мир. Значение Октябрьской революции во всех ее последствиях в ту пору, быть может, далеко не для всех было понятно. Мы все помним, как тогда наши противники, люди, стоящие по ту сторону баррикады, находившиеся как внутри, так и за пределами нашей страны, приняли то великое дело, ради которого мы вышли на улицу. Многим и многим из них казалось это временным эпизодом, временной волной, которая должна будет скоро схлынуть. Но не прошло много времени, как раскаты революции, раздавшиеся из нашей страны, разливаясь, постепенно, повсюду стали подтачивать основы империализма в других странах. В целом ряде европейских государств в сравнительно скором времени мы стали свидетелями глубочайших потрясений. В ряде стран мы наблюдали серьезные революционные бури, правда, закончившиеся не так победоносно, как у нас, но во всяком случае решительным образом всколыхнувшие капиталистические устои этих государств. Именно наша революция послужила величайшим толчком к организации рабочих всех стран мира. Особенно потому, что империалистическая война уже создала почву для объединения рабочих вокруг подлинных освободительных революционных знамен. Вы знаете, что с первых же дней империалистической войны, главным образом благодаря настойчивой работе товарища Ленина, во многих странах стали организовываться и усиливаться коммунистические ячейки. Но решающий толчок был дан нашей Октябрьской революцией. Прошло немного времени со дня Октябрьской революции, как организация передовых рабочих всех стран в коммунистические партии и создание Коммунистического Интернационала стали фактом. Это явилось как бы формальным завершением того великого коммунистического движения, которое началось как отклик нашей Октябрьской революции.

Но и этим, товарищи, не ограничилось великое значение Октябрьского переворота. Раскаты его вскоре почув-

ствовались в тех далеких странах, которые питали и до сих пор еще питают своими соками современный империализм. Миллионы, сотни миллионов рабов, живущих в колониальных и полуколониальных странах, непосредственно восприняли уроки Великого Октября, и в целом ряде этих стран, главным образом на Востоке, мы стали наблюдать развивающееся глубокое национально-освободительное движение. Это создало еще новую угрозу устоям империализма. Империализм оказался подтачиваемым не только изнутри, в своих собственных странах, но он оказался лицом к лицу с угрозой революционной освободительной борьбы в своих колониях. Победоносная борьба рабочего класса в России разбудила громадную толщу до той поры забитых, отсталых, некультурных народов. Великий Октябрь, между прочим, потому что он совершился в стране, стоящей на грани Европы и Азии, не мог не сыграть исключительной роли в истории восточных стран, восточных колониальных и полуколониальных народов. Угроза современному капиталу, угроза империализму выросла в полном своем объеме.

Тогда даже маловерному, считавшему скоропреходящим эпизодом или случайной вспышкой великие Октябрьские события в нашей стране, стало ясно, что история вступила в какую-то новую полосу, перешла какой-то рубеж, что открываются новые перспективы, которые ставят человечество перед новыми судьбами.

Товарищи, вы знаете, что и до Октября в истории человечества было много революций. Вы знаете, что эти революции потрясали до самого основания организованные, исторически сложившиеся государства, но ни одна революция в мире не имела такого исключительного значения, какое имела наша Октябрьская революция.

Вы знаете, что человечество за долгие годы своего существования не раз и не два выдвигало величайшие умы, работавшие над вопросом освобождения угнетенных. Вы знаете, что трудящиеся не раз выходили в бой против своих угнетателей, свергали троны, разрушали устои власти господствующих классов, но все же ни одна революция не сделала того, что сделала Октябрьская революция.

Единственная революция в истории народов — Парижская Коммуна — на короткое время сумела сбросить угнетателей и сделать серьезную попытку к установлению власти трудящихся. Но вы знаете, что эта попытка была

слишком кратковременной, вы знаете, что она закончилась поражением. Для народа эти революции в истории прошлого заканчивались тем, что вместо одних господ у власти оказывались другие, вместо одного угнетателя трудящихся приходили другие. Угнетение и рабство оставались. Человечество не переставало делиться на угнетенных и угнетателей. И только после Великого Октября, после революции, совершенной нами десять лет тому назад, мы действительно сумели до основания разрушить все то, на чем покоилась власть угнетателей. Мы сумели действительно разметать все то, что создавалось помещиками и капиталистами веками, и установить подлинное освобождение трудящихся. Мы с вами впервые в мире организовали рабочее государство в форме наших Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. (А п л о д и с м е н т ы.)

Мы действительно сумели осуществить тот великий демократический уклад, который позволил нашему рабочему классу стать хозяином в своей стране.

Вы помните, товарищи, с каким ожесточением наши враги встретили провозглашение диктатуры рабочего класса в нашей стране? Вы помните, какой горячий спор вели с нами представители так называемой «революционной демократии» на тему о том, сумеют ли рабочие удержать государственную власть в своих руках?

Рабочий разметал препятствия, стоявшие на его пути, и доказал всему миру, что он способен к бою и к победе, что он способен, идя под красными знаменами, взять власть в свои руки.

Но это, казалось, не решало дела, и наши враги на всех углах и перекрестках кричали о том, что «отсталому», «некультурному», недостаточно вышколенному в капиталистических условиях рабочему если и удалось взять власть, то ему не удастся этой власти удержать. Прошли месяцы, и наш рабочий показал всему миру, что он способен не только взять власть, но и удержать ее под руководством Коммунистической партии, под руководством нашего великого учителя Ленина. Рабочие нашей страны, в союзе с солдатами и беднейшими крестьянами, взявшие власть и удержавшие ее, сумели найти в себе силы для того, чтобы начать организовывать новое рабочее государство, начать закладывать основы социалистического переустройства нашего государства.

Вы помните первые декреты, которые издала наша Советская власть. Вы помните декрет о мире, который потряс все армии на фронте мировой войны. Вы помните декреты о земле. Вы помните декреты о свободах. Вы помните декреты, которыми мы сумели в короткий срок привлечь к государственной работе широкие слои женщин, наших работниц, трудящихся всей нашей страны. Вы помните декреты об освобождении тех народов, которые претерпевали особое угнетение под сенью царского самодержавия, решение национального вопроса, который как будто старалось, но отнюдь не сумело «разрешить» Временное правительство. Сто пятьдесят народностей, говорящих на разных языках и населяющих нашу страну, действительно, по-настоящему почувствовали полное, решительное освобождение и получили возможность принять непосредственное участие в великой государственной творческой работе.

Это дало нам возможность успешно приняться за осуществление тех гигантских задач, которые стояли тогда перед нами. А задачи, как вы знаете, действительно были необъятны. Владимир Ильич Ленин, руководитель нашей борьбы за социалистическую революцию, в самом начале предостерегал нас, что нам сравнительно легко будет покончить со всем прошлым, раскатать и разбить оковы капиталистов и помещиков, но нам неизмеримо труднее будет строить на этих развалинах рабочее государство, утвердить начала социалистического общества.

Так, товарищи, и произошло. Когда наши враги как внутренние, так и внешние убедились во всей серьезности того великого дела, которое мы с вами начали, когда они поняли, что имеют дело не с кратковременной вспышкой, не с коротким историческим эпизодом, а с началом новой великой эпохи, они не преминули мобилизовать все свои силы против рабочих, против пролетарского государства. И вы знаете, как со всех сторон на нашу рабоче-крестьянскую страну двинулись многочисленные полчища наших врагов. И вот отсюда начинаются невероятно тяжелые, исключительные по своей трудности, страницы нашей Великой Октябрьской революции.

Черные волны нахлынули на нашу страну. Они захлестывали не только наши окраины — был момент, когда гребни этих черных волн подкатывались к самой столице рабочего государства. Огромные хлебобродные простран-

ства нашей страны оказались в руках противника. Железные дороги, фабрики и заводы, водные пути — все было парализовано. Наше молодое рабоче-крестьянское государство, рождавшееся в крови рабочих и крестьян, казалось, доживало свою последнюю историческую минуту. Не было той враждебной нам партии внутри нашей страны и за пределами ее, которая не пела бы отходную первому рабочему государству в мире. Момент был настолько тяжел, что рабочим и крестьянам нашего государства приходилось напрягать свои последние усилия, жертвовать своим последним достоянием для того, чтобы сделать новые и новые попытки отстоять то государство, которое мы с вами организовали.

Когда оказывалось недостаточно внутренних сил контрреволюции для разгрома молодого рабочего государства, на помощь белым бандитам приходили великие и малые капиталистические державы. Не было ни одной из них, которая не принесла бы свою черную лепту на дело удушения рабочих и крестьян нашей страны. Не было ни одного правительства в то время, которое не позаботилось бы отвратить живой, горячей крови русских рабочих и русских крестьян. Не было ни одной капиталистической державы, которая не протянула бы свой отравленный меч для того, чтобы вонзить его в сердце наших рабочих и наших крестьян.

Было мобилизовано все, было все сделано для того, чтобы потопить в крови Великую Октябрьскую революцию. Внутри страны свирепствовал голод, свирепствовали эпидемии. Рабочие и крестьяне погибали не только на фронтах гражданской войны — они умирали от голода, холода и эпидемий. Были такие мрачные минуты в истории героической борьбы наших рабочих и наших крестьян, когда нашу страну, казалось, должна была погубить тифозная вошь. И тем не менее наши рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии находили в себе все новые и новые силы, чтобы выбираться из этих невероятных теснин. В стране замолкли фабрики, перестали работать заводы, замерзали железные дороги, прекратилось почти всякое общение между отдельными районами нашей страны. Но тем не менее работала великая освободительная коммунистическая мысль, которая находила доступ к самым отдаленным уголкам нашей страны, непрестанно будила, звала на борьбу рабочих, крестьян,

трудящихся нашего огромного, занимающего шестую часть земной суши государства.

И несмотря на то, что наша страна была ввергнута в глубокую пропасть, несмотря на то, что уже торжествовали победу все государства капиталистического мира, старавшиеся похоронить нас во что бы то ни стало, мы мало-помалу все же выбирались из этой трясины, из этой глубочайшей пропасти.

Мы знали, что мы вышли на последний и решительный бой, и это, товарищи, решало дело. Каждый рабочий, каждый честный трудящийся крестьянин понимал, что, взявши фабрики и заводы у капиталистов, отняв землю у помещиков, вернуть обратно эти фабрики и заводы, отдать обратно эти помещичьи владения — значит ввергнуть себя снова в такую кабалу, перед которой прошлая кабала покажется раем. Мы знали, что, если мы не сумеем противостоять натиску наших врагов, на наших спинах будут совершать победную тризну не только наши отечественные капиталисты и помещики, но что нам отомстят, смертельно отомстят и капиталисты всего мира. Мы знали, когда выходили на первые баррикады Великого Октября, что мы выходим на последний и решительный бой. На наших знаменах кровью лучших из нас было написано «Смерть или победа», и мы смело шли туда, где была смерть, но мы твердо знали, что, умирая, мы обеспечим победу. (А п л о д и с м е н т ы.)

И мало-помалу, товарищи, в этом стали убеждаться и наши враги. На протяжении долгих и долгих месяцев, которые в конечном счете вытянулись в целые годы, капиталисты всех стран на опыте убедились, что перед ними действительно стоит такая стена сопротивления, преодолеть которую одним вооруженным вмешательством не удастся. Убедившись в этом на опыте, наши противники мало-помалу стали переходить к иным методам борьбы против молодого государства рабочих и крестьян. Они стали пробовать обходные пути, стали искать таких способов, с помощью которых можно было бы незаметно, с тыла, изнутри отравить нас капиталистическим ядом и тем самым вернуть нас в дооктябрьское состояние. Вы помните, что над этой задачей работали как каждая страна в отдельности, так и все они, вместе взятые. Мало-помалу из объекта военного вмешательства в наши внутренние дела мы с вами постепенно стали обращаться в

объект более сложных международных построений: к нам пытались применить метод «мирного» удушения.

Вы помните международные конференции, которые были, скажем, в Генуе и в Гааге⁹, где в центре внимания империалистических держав стоял наш молодой Советский Союз. Вы помните, как постепенно с нами стали разговаривать несколько иным языком, а не только языком оружия, как стали искать других путей решения той исторической проблемы, которая не могла не являться угрозой для империалистов всех стран. Для них было ясно, что на одной шестой части земной суши действительно строится что-то принципиально новое, совершенно не похожее на все то, что было до сих пор, что та революция, которую начали мы с вами, имеет не только чисто русское значение, но что эта революция является международной и симпатии к ней со стороны трудящихся всего мира с каждым днем усиливаются все более и более. Чем больше зверств проявляли капиталисты по отношению к нам, тем большие симпатии со стороны трудящихся всего мира возбуждали они к нашему молодому Советскому Союзу.

Я напомуно вам, товарищи, ту работу, которую проделали империалисты, скажем, на знаменитом историческом совещании экспертов Антанты, происходившем в Лондоне в 1922 г., когда самые просвещенные, самые образованные экономисты Антанты, умевшие разрешать самые сложные международные хозяйственные проблемы, взялись разрешать и ту проблему, которая называлась социалистической революцией в нашей стране. На это совещание экспертов были приглашены люди, самые испытанные в деле удушения народов, в деле закабаления так называемых «отсталых» сотен миллионов колониальных и полуколониальных народов. На этом совещании, как вы, вероятно, помните, была выработана большая программа разрешения того вопроса, каким образом можно приобщить нашу молодую рабоче-крестьянскую страну к «счастливому лону» капиталистических держав, вернуть нашу страну из того «нечеловеческого», по их мнению, состояния, в котором мы с вами оказались. И эти испытанные в деле экономического порабощения народов эксперты записали в своей программе основной и главный пункт, с помощью которого они надеялись пресечь развертывающуюся социалистическую революцию в нашей огромной стране, под

заглавием: «Меры, способствующие быстрому восстановлению России». Они не постеснялись написать пункт, в котором, между прочим, говорится: «В жилище или учреждении иностранца, проживающего в России, не может быть сделан обыск, он сам не может быть арестован без участия или согласия консула. Если иностранец привлекается к русскому суду по уголовному делу, приговор над ним приводится в исполнение только с согласия консула».

Я, товарищи, умышленно воспроизвел перед вами эту справку. Я это сделал для того, чтобы сопоставить перед вами все то действительно непроходимое и невероятное идейное убожество, которым страдает современный капитализм, с тем величием революционной, социалистической мысли, которая развертывалась тогда и которая продолжает развертываться сейчас в нашей стране. И это — просвещенные люди, имеющие вековую тренировку в деле управления государством, люди, которые прошли, как говорится, огонь и воду и медные трубы в деле разрешения международных проблем. И вот в то время, как уже целые годы развертывается в нашей стране революция, рассчитывая путь для построения нового, социалистического общества, революция, которая уже сумела совершенно и окончательно потопить в пропасти истории класс капиталистов и помещиков, в стране, которая закладывала мало-помалу основы нового человеческого общества, в огромной стране, населенной десятками миллионов людей, в стране, которая, как магнит, притягивает к себе внимание рабочих всех стран и угнетенных всего мира, — к этой стране люди, сидящие в своем империалистическом «раю», предлагают применить столь жалкие рецепты для скорейшего «восстановления» России, восстановления на условиях существующей у них капиталистической системы. Казалось, что у них историческая слепота и они не видят, что нет уже в нашей стране тех элементов, с которыми можно было бы разговаривать на их языке, на языке буржуазных экспертов, и что наша страна забыла даже в своих поминальных записях записать тех, с которыми можно было бы разговаривать на том языке, на каком с нами хотели разговаривать на Генуэзской и Гаагской конференциях, что наша страна давным-давно отбросила в область прошлого весь тот лексикон, который доступен только капиталистическим и империалистическим державам. Они забыли, что нашей стране удалось действительно заново строить

жизнь, что хозяином нашей страны является рабочий, для которого угнетатель, какой бы он национальности ни был, представителем какой бы державы ни являлся, является противником, с которым он готов бороться так же, как со своим собственным, отечественным угнетателем. Они забыли, что наши рабочие, взяв власть, начали строить свою жизнь на совершенно других, на совершенно небывалых началах, и что нам вовсе не нужны те консулы, которые призваны оберегать устои капитализма и империализма. Мы вокруг нашего Коммунистического Интернационала воспитываем новых консулов (бурные аплодисменты), консулов, которых еще никто не знает, консулов, которые будут выполнять не постановления экспертов Антанты, а тех консулов, которые будут проводить в жизнь начала Великой Октябрьской революции. Начало этой революции было положено у нас, но она пределами нашего социалистического отечества ни в какой степени не ограничивается (бурные аплодисменты), она рано или поздно, но выйдет за пределы нашей страны и несомненно захлестнет своими красными волнами страны всего мира (бурные аплодисменты) и несомненно сметет в историческую преисподнюю капиталистов и империалистов, угнетателей всех стран света.

Вот этого, товарищи, нового исторического обстоятельства в ту пору империалисты не заметили; они предусмотрели, казалось, все, однако не сумели предусмотреть главного. А здесь-то и была гарантия того, что мы с вами из этой невероятно тяжелой, нечеловечески трудной полосы, в которой мы тогда пребывали, освободимся. И действительно, мы понемногу, постепенно начали освобождаться. В то же время, несмотря на кратковременность пребывания у власти, несмотря на очень ограниченный исторический и государственный наш опыт, все-таки мы поняли, что должен быть такой промежуток времени, когда нам волей-неволей придется жить среди волков, и поэтому нам надо будет время от времени прибегать к некоторым «волчьим» приемам по отношению к нашим ближним и дальним соседям. (Аплодисменты.)

Мы точно так же, несмотря на всю нашу политическую незрелость (по мнению политиков буржуазии), несмотря на все наше государственное младенчество, все-таки учли этот опыт и воспользовались соответствующим образом

теми маневрами, которые были применены в отношении к нам.

Мы также понимали, что беспредельно вести гражданскую войну мы не можем. Мы знали, что, обороняясь на всех фронтах, мы жертвуем последним своим достоянием. Мы знали, что бесконечно пребывать в тех тисках, в которых мы находились, нельзя. Естественно, что мы решились, со своей стороны, воспользоваться и обходными путями, путями обходной войны с нашими врагами.

Вы помните, что именно с этого периода, после этих конференций, а частью и на них, постепенно, понемножку у нас начинаются так называемые деловые отношения с капиталистическими государствами. Я не буду перечислять вам всей этой длинной истории, тех путей, по которым мы с вами шли, тех средств, при помощи которых мы сумели добиться того, что с некоторыми державами мы установили более или менее деловые, более или менее человеческие взаимоотношения.

Некоторая передышка в нашей голодной поре в результате относительного урожая 1922/23 года дала нам возможность по окончании гражданской войны приступить к укреплению нашего внутреннего хозяйства. Историю этой работы вы все, товарищи, прекрасно знаете; история нашей работы на наших хозяйственных фронтах известна в полной и достаточной мере каждому рабочему. Все мы помним, как, выбираясь из той глубокой ямы, в которой мы были в 1920 году, вначале постепенно и очень медленно, а затем быстрее, из года в год мы стали поднимать наше народное хозяйство, осваивать огромные поля, перешедшие от помещиков к нашим крестьянам. Постепенно мы стали эти находившиеся в безнадежном состоянии хозяйства приводить в некоторый порядок.

Тяжелая это была пора, товарищи! Многие с большим сомнением смотрели на то, удастся ли нам среди этой разрухи, среди этой нищеты оживить, привести в действие то достояние, которое мы отвоевали у наших классовых врагов. Но здесь снова и снова настойчивость наших рабочих, твердость нашей пролетарской диктатуры и исторический опыт нашей Коммунистической партии дали нам возможность успешно справляться и с этой стороной нашей задачи. Правда, здесь дело шло гораздо труднее, чем в тот первоначальный период нашей революции, когда мы

расчищали дорогу для нашего строительства. Здесь положение было иное. Здесь нужно было камень за камнем собирать все то, что уничтожалось во время империалистической и гражданской войн.

Но тем не менее мы все-таки сумели подняться на ноги. В нашей промышленности, по сравнению с тем, что было, скажем, в 1913 году (если считать уровень 1913 года за 100), мы в 1920 году, в период максимальных разрушений в нашей стране, сумели скатиться всего-навсего до 17%, а в последующие годы мы стали из года в год подниматься все выше и выше по хозяйственной лестнице: в 1921/22 году мы поднялись уже на 25%, в 1922/23 году — на 35%, в 1923/24 году — на 46% и, наконец, в 1926/27 году мы с вами сумели отпраздновать полное хозяйственное восстановление нашей страны. (А плоды с м е н т ы.)

Мы знаем, товарищи, что империалистическая и гражданская войны в страшной степени разорили наше сельское хозяйство. Вы знаете, что лучшие из наших хлебных районов непрерывно переходили в период гражданской войны из рук в руки. Крестьянину не до того было, чтобы бережно смотреть за своей крестьянской полосой. И действительно, мы стояли лицом к лицу с тем, что урожайность наших советских полей к периоду 1920 года упала до чрезвычайно мизерных размеров. Если в так называемое мирное время наш крестьянин имел со своей десятины 62—65 пудов, то в тяжелый период гражданской войны эта урожайность снизилась ровно вдвое; если наш крестьянин получал в мирное время с десятины 80 пудов хлопка, то в период наибольшей тяжести гражданской войны эта десятина давала всего 14 пудов.

Все эти цифровые данные, которые я считал необходимым привести, должны нам еще и еще раз напомнить то состояние, в котором мы так недавно еще находились, для того чтобы лучше понять и уяснить те достижения, которые мы в настоящее время, товарищи, имеем.

Я думаю, что не грех нам, празднующим наш великий Октябрьский праздник, вспомнить не только о том, где у нас давит, что у нас плохо и не устроено. Я думаю, что по законам всех праздников полагается нам вспомнить и о тех достижениях, которые мы, товарищи, имеем. Я бы спросил вот хотя бы тех же экспертов, заседавших в свое

время в одной из лучших капиталистических столиц, пусть бы они порылись в своей просвещенной памяти и напомнили нам, отсталым русским рабочим и русским крестьянам, хотя бы один пример в истории человечества, в истории капиталистического периода существования этого человечества, когда бы народ — пусть он будет дважды европейским — сумел бы из такой трясины, из такой глубокой пропасти, в которой мы находились в 1920—1921 годах, выбраться в такой короткий срок на тот уровень достижений, который мы имеем к десятилетию годовщины нашего Великого Октября. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.) Было бы, товарищи, очень хорошо, если бы они, эти почтенные буржуазные эксперты, рассеяли наши недоумения и привели бы нам пример того, чтобы народу, разоренному внутренними и внешними врагами, народу, который находился одной ногой буквально в могиле, народу, управляемому рабочими решительно без всякой внешней помощи, а, наоборот, при самом зверском, при самом бешеном противодействии работе со стороны всех других правительств, удалось бы изжить все те болезни и печали, залечить все те раны, которые у нас были в 1920—1921 годах. Наша пролетарская память такого примера в истории человечества не знает. Наша пролетарская наука, перерыв все фюлианты самых героических, самых возвышенных периодов существования человечества, таких успехов в построении нового общества не видела. Не было еще в истории человечества такой поры, когда жизнь трудящихся строил бы своими руками новый, молодой, не бывавший еще у кормила правления класс — класс рабочих. (А п л о д и с м е н т ы.)

У наших просвещенных противников существует мнение о диктатуре пролетариата, как о чем-то только уничтожающем, разрушающем, сокрушающем. Пролетарская диктатура, действительно, имеет за собой много сокрушенного, много разрушенного — ровно столько, сколько надо для того, чтобы молодому классу рабочих победить. Молодому классу, классу рабочих, для того чтобы добраться к своей диктатуре, нужно, действительно, очень основательно и решительно разрушить все то, что стоит на его пути. (А п л о д и с м е н т ы.) Но когда пролетарская диктатура переходит к своей творческой, положительной работе, она не знает границ своему молодому,

возвышенному творчеству, она не знает таких препятствий и таких трудностей на пути этой творческой работы, которые бы были непреодолимы. Только этим, и ничем иным, объясняются те действительно исторические успехи, которые мы, товарищи, к десятой годовщине нашего Октября имеем.

Мы, товарищи, строим наше общество не только так, чтобы умножать наши национальные богатства. Нет, перед нами стоят гораздо более сложные и серьезные задачи. Мы каждую минуту должны смотреть за тем, чтобы в этом умножении богатств все большую и большую роль играли те начала, ради которых мы поднимали великое Октябрьское знамя, те начала, которые называются социалистическими началами. И в области промышленности, и в области сельского хозяйства, и в области нашей торговли — во всех отраслях нашей работы мы ни на одну минуту не должны забывать и не забываем того, что мы не просто строим новое общество, но мы строим *социалистическое* общество, мы строим такое общество, где действительно будет настоящее царство свободного труда, где будет действительно полное, настоящее равенство, где уничтожится без остатка все то, что называется неравенством между людьми. Раз это так, то, очевидно, все линии, все грани нашей работы должны определяться под этим углом зрения.

К десятой годовщине нашего Октября мы в этом отношении можем совершенно спокойно, совершенно твердо подвести итоги нашей работы. Мы сумели, товарищи, обобществить во всем нашем народном хозяйстве — не только в промышленном, но и в сельском хозяйстве — к 1927/28 году свыше 40% того валового дохода, который мы из года в год получаем. Конечно, сорок процентов — не сто процентов, но, товарищи, и годы нашей работы исчисляются ведь пока что только единицами. Мы с вами, товарищи, празднуем десятилетие Октябрьской революции, но на протяжении этих десяти лет мы добрую половину времени употребили на то, чтобы отстаивать нашу рабоче-крестьянскую страну от покушений на нас с разных сторон, и только половину десятилетия мы сумели использовать для так называемой положительной творческой работы. И за это время мы сумели обобществить, как я вам говорил, свыше сорока процентов всего нашего общего национального дохода. Вы знаете, что, заканчивал

наше десятилетие, партия и правительство намечают новые пути для дальнейшего более быстрого и более энергичного обобществления нашего национального достояния. Вы знаете, мы принимаем ряд мер в деле более решительного развития нашей промышленности на уже совершенно новых основаниях. Мы не просто идем по пути индустриализации нашей страны, но мы в ближайшие годы должны, как вы знаете, совершенно реконструировать наше промышленное хозяйство. Мы должны также принять и принимаем ряд мер к более энергичному обобществлению нашего сельского хозяйства. Это также стоит в порядке дня работы как нашей партии, так и нашего Советского правительства. И я думаю, что у нас нет решительно никаких оснований сомневаться в том, что мы сумеем должным образом справиться с этой задачей при той огромной поддержке, которую имеют в стране наша партия и наше правительство, при активной поддержке населения, рабочих и крестьян, при твердости рабочего класса, уверенно держащего в своих руках диктатуру. Я думаю, что мы сумеем разрешить эти наши задачи достаточно полно и достаточно успешно.

Товарищи, около нас, как вы знаете, не прекращаются еще разговоры на тему о том, что мы все-таки не сумеем разрешить тех исторических задач, которые мы выдвинули, прежде всего потому, что мы слишком некультурны, слишком отстали. Что мы, товарищи, недостаточно культурны — об этом никто не будет спорить, что мы еще недостаточно опытни в деле строительства нового общества — это также всем известно. Это известно и нам. Но что мы не забываем и ту сторону дела, которая называется поднятием культурного состояния нашего населения,— это тоже вне всякого сомнения. Несмотря на все наши недостатки, несмотря на нашу бедность, несмотря на то, что ни один «американский дядюшка» нам до сих пор не оказывает никакой помощи, мы все-таки умеем находить средства не только для того, чтобы возводить гиганты в нашей промышленности, подводить новые фундаменты под нашу промышленную технику, но мы также находим силы и средства для того, чтобы реконструировать мозги нашего населения. Мы уже делаем все к тому, чтобы не только перестроить наше хозяйство, перестроить наш быт, но мы также немало уделяем средств и внимания тому, чтобы перестроить и умы не только того населения,

в руках которого находятся основные знамена нашего государства, но и того, которое еще в отдельных своих звеньях недостаточно притерлось к режиму пролетарской диктатуры в нашей стране.

Мы ни на минуту не забываем того, что до тех пор, пока наша страна не будет поголовно грамотной, нам переустраивать жизнь будет вдвое тяжелее. Вслепую идти, хотя бы и с каким угодно энтузиазмом, нельзя за нашими великими знаменами. Нужно не только сердцем, но в умом охватить те великие заветы, которые нам оставил Владимир Ильич. Теперь, к десятому году нашего существования, мы достигли того, что сумели выделить из нашего государственного бюджета на дело народного образования ровно вдвое больше на душу населения, чем это делалось тогда, когда у власти стояли капиталисты и помещики. Мы, товарищи, делаем все к тому, чтобы возможно шире и возможно глубже распространить в нашей стране и печатное слово. Если в 1913 году в старой царской империи все газеты имели тираж в 2¹/₂ миллиона экземпляров, то наши советские, коммунистические газеты расходятся сейчас по всей стране в три раза большим тиражом. То же самое и с книгой.

Товарищи, почему я останавливаюсь на этой, казалось бы, небольшой детали нашей общей работы? Есть, скажут, более серьезные и более яркие звенья нашей работы. Не подлежит никакому сомнению, что, переходя во второе десятилетие нашего социалистического строительства, мы должны о культурном фронте вспоминать все чаще и больше. Если мы сумели не только наших друзей, но и наших врагов убедить в том, что мы достаточно опытные зодчие, для того чтобы строить Волховстрой и Днепрострой, то нам надо точно так же подготовить себя и в культурном отношении в самом широком смысле этого слова.

Нам нужно сделать все к тому, чтобы наше огромное 150-миллионное население действительно имело в своих руках ключ ко всем тем достижениям, которые имеются у современного человечества. Подобно тому как на фабрике и заводе мы используем с вами сейчас технические достижения всех и каждого, для того чтобы применить все это у себя, то же самое мы должны сделать и в отношении культурных достижений по всем разветвлениям человеческого ума и науки. Мы должны все ценное брать

и пересаживать на нашу плодородную молодую советскую землю, возвращая это в условиях нашей советской жизни. В ближайший период нашей работы мы должны этому уделить максимум внимания. Попутно мы рассеем окончательно те легенды, которые, правда, мало-помалу уже начинают замирать даже в среде наших врагов, где уже перестают изображать нас первобытными троглодитами.

Дальнейшая наша работа, будем надеяться, покажет нашим врагам, что и в этой области работы, в этой полосе нашего строительства мы также будем не последними. При всей нашей отдаленности от признанных культурных центров, невзирая на все препятствия, мы найдем в себе силы и средства для того, чтобы и здесь открыть новые перспективы и новые горизонты для нашей дальнейшей работы.

Мне необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое, как мне приходилось слышать, особенно сильно и особенно, так сказать, осязательно поражает наших противников.

Вы знаете, что наша страна за последние годы явилась в полном смысле Меккой для всех угнетенных. Вы знаете, что в наших городах и вообще в нашей Советской стране перебивало за последние годы большое количество разного рода делегаций. В составе этих делегаций были не только рабочие, но и люди разных классов, разных партий и разных убеждений. И всех их, помимо всего прочего, поражает цветущее физическое состояние нашего населения. Они все еще живут информацией подчас 1920—1921 годов — информацией, сообщавшей, что у нас в Поволжье люди ели людей, жарили своих собственных братьев и сестер. Они забывают, что с того времени прошли годы и мы не только перестали есть друг друга, но потихоньку-помаленьку начинаем входить в русло самого настоящего человеческого существования. Хотя мы с вами далеко еще не имеем всего того, что мы хотели бы иметь, хотя у нас изъядов, невзгод, недостатков, безработицы и т. д. еще очень много, хотя нужда у нас веет еще изо всех щелей,— это мы видим лучше всякого дальнорюкого иностранца,— но тем не менее их поражает то, что не только прекратилось вымирание населения нашей страны, а наоборот, не в пример прочим, чрезвычайно крепко как будто бы стоящим капиталистическим державам, где ка-

ждый лишний родившийся младенец считается большим достижением, не в пример этим странам, повторяю, у нас не только не замечается убыль нашего советского населения, нашего рабочего, крестьянского, в том числе беспартийного и коммунистического (с м е х) населения, а наоборот — идет совершенно исключительный рост, идет быстрое умножение населения нашей страны. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы. С м е х.)

Если, товарищи, при царе, несмотря на все тогдашнее «благоденствие» (тогда ведь было все тихо, народ, что называется, «благоденствовал»), если при царе на 1000 человек в год в 1913 г. родилось 45,3 младенца, то у нас, в Советской стране, на 1000 родилось 46,9. (А п л о д и с м е н т ы.) Если в 1913 г., несмотря на все внешнее благополучие тогдашней царской России, на 1000 умирало 29 человек, то у нас в 1925 г. умерло на 1000 только 25 человек. Если в 1913 г. прирост населения составлял 1,6%, то у нас прирост равняется 2,1%. Эту справку, товарищи, я вам даю для того, чтобы привести, так сказать, еще свидетельство того, что действительно выходит даже и по чисто физиологическим законам, что дело, ради которого мы боремся десять лет, даже по этой линии показывает плюсы. (А п л о д и с м е н т ы.)

И мы, товарищи, знаем, что чем дальше мы будем углубляться в дело непосредственного устройства нашей новой жизни, тем все больше и больше будем убеждаться в нашей не только хозяйственной, не только экономической, не только классовой, но и общеисторической правоте. Это, товарищи, является бесспорным давно, с тех самых пор, как была написана Марксом его великая книга.

Наша задача заключается в том, чтобы на опыте, на практике все, что там написано, претворить в жизнь и показать трудящимся всего мира, что мы действительно строили не временное, не эфемерное, а настоящее, подлинное новое общество, которое зародилось десять лет тому назад. Мы будем иметь величайшее счастье присутствовать на похоронах того старого общества, на смену которого пришло наше новое общество, и не только в нашей стране, но и во всем современном капиталистическом мире. (П р о д о л ж и т е л ь н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

На днях, товарищи, в одной из польских газет, в «Польска-Сбройна» (орган польского военного мини-

стерства), была помещена статья, посвященная нашему десятилетию. Автор этой статьи — пожелаем ему долголетия — за десять лет убедился в той истине, которую он сообщил в своей статье «Десятилетие Советов — это не пустой звук». (С м е х.) Слава тебе, создатель, добились мы все-таки, что десятилетие нашего существования оказывается не пустым звуком. Я думаю, что будет время, когда убедятся в том, что десятилетнее наше с вами существование не только не пустой звук, но, что это такой полный и громогласный звук, который разбудит, наконец, все те огромные миллионы трудящихся всего света, которые, организуясь вокруг великих октябрьских знамен, присоединяясь к ним не только платонически, сердцем и умом, выйдут, наконец, активно на ту великую дорогу, которая называется *Октябрем*. (Продолжительные аплодисменты.) Все народы, товарищи, трудящиеся всего мира знают, что Октябрьская революция — это не только наша революция, что Октябрьская дорога — это не только наша дорога; каждый угнетенный, каждый эксплуатируемый, если он действительно всерьез хочет выйти на дорогу, где он будет ломать и разрушать цепи рабства, должен знать, что это *дорога Октября* — и никакая другая. (Продолжительные аплодисменты.)

Всем вам известна, товарищи, роль ленинградского пролетариата в Великой Октябрьской революции — я думаю, что об этом нам долго и много говорить не пристало. Я думаю, что не только мы, но и все те, которые знают историю Октября, они знают и историю ленинградского пролетариата. В первой когорте вышел ленинградский пролетариат на октябрьские баррикады, вышел, казалось, один, но не прошло много дней, как следом за ним громадные миллионы трудящихся всей нашей страны пошли на дело великого освобождения. С той поры ленинградский пролетариат, живущий в том городе, который носит имя основоположника нашей партии, великого учителя и воспитателя нашего рабочего класса, ленинградский пролетариат все это десятилетие шел в первой колонне.

Я думаю, что, не вдаваясь в дальнейшие воспоминания о значении и роли лучшей когорты наших рабочих — ленинградских рабочих, мы должны сказать только одно: десять лет ленинградский рабочий шел в первых рядах, в первых рядах он пойдет и впредь. (А п л о д и с м е н т ы.)

И, наконец, товарищи, последнее — то, о чем нам, не зная на весь наш праздник, необходимо помнить. Те достижения, которые я, как мог, старался напомнить вам, привлекают внимание не только наших друзей, но, как вы знаете, и наших врагов. Я вам указывал на тот период нашей революционной истории, когда внимание всех капиталистических стран было сосредоточено вокруг нашего Советского Союза.

За последнее время, именно как раз на рубеже этого нового десятилетия, против нас, как вы знаете, снова и снова собирают силы разные державы, разные правительства капиталистического мира для того, чтобы еще и еще раз попробовать пресечь победоносное шествие нашей революции. Они основательно заботятся о мобилизации и организации сил против нашего Советского Союза. Вы также знаете, товарищи, что наше правительство чрезвычайно бдительно следит за этой новой расстановкой сил и делает все к тому, чтобы сохранить мир.

Но, товарищи, надо знать, что существование мира зависит не только от нас, но и от наших противников. И поскольку мы видим подготовку там, нам ни одной минуты не нужно почивать на лаврах, хотя бы и в день нашего десятилетия, а наоборот, каждую минуту думать о возможной новой вооруженной интервенции по отношению к нашему Советскому Союзу.

И вот здесь, товарищи, самой конкретной, самой близкой, самой непосредственной для нас должна явиться забота о нашей дорогой Красной Армии. (Аплодисменты.)

Наша Красная Армия, товарищи, родилась в огне и в буре. Эту Красную Армию рабочие и крестьяне вынесли на своей горячей груди. Эта армия сейчас организована в железную, твердую, проникнутую пролетарским сознанием когорту. Около нее нам нужно сейчас сосредоточить самое исключительное, самое большое внимание. Надо сделать все к тому, чтобы наша армия чувствовала себя еще крепче, еще лучше, еще более близкой к тем миллионам наших трудящихся, из сыновей которых состоит наша Красная Армия и наш Красный Флот.

Дальнейшая наша усиленная работа на хозяйственном фронте и на всех остальных фронтах будет являться лучшим ответом на новые угрозы, которые нам сейчас готовят.

И, наконец, товарищи, если мы с вами в великие Октябрьские дни были не одни, то за десять лет нашей тяжелой работы мы приобрели множество сторонников. Вы видите здесь сидящих представителей многих и многих отрядов рабочей армии. (А плодисменты.) На наш великий революционный Октябрьский праздник съехались представители трудящихся и угнетенных буквально со всего света, жаждущих побывать у нас, отпраздновать с нами десятилетие Великого Октября. Один из наших друзей в Англии говорил, что, если бы двинули на праздник Советов всех тех рабочих и трудящихся Англии, которые желают поехать, не хватило бы всего огромного английского флота, для того чтобы их перевезти на Советскую землю. (А плодисменты.) И это, товарищи, несомненно так. И на Западе, и на Востоке, на самых далеких и забытых островах сегодня, завтра и в ближайшие дни, когда будет раздаваться набат наших октябрьских призывов, трудящиеся всех уголков земного шара, несомненно, будут смотреть только туда, где развевается красное знамя Великого Октября. Это новые наши союзники, товарищи, это новые помощники в том великом деле, которое мы с вами начали десять лет тому назад.

Я начал, товарищи, с того, что сказал: Октябрьская революция — это не только наша революция, это революция, открывающая двери к свободе трудящимся и угнетенным всех стран света.

И вот, товарищи, завтра, — вы слышите уже, как история начинает отбивать удары на своих тяжелых часах, — когда она будет бить эти исторические десять лет, не забывайте, что сотни миллионов трудящихся и угнетенных всего света вместе с нами будут петь великий интернациональный гимн, объединяющий трудящихся и угнетенных всего мира против вековых угнетателей и эксплуататоров. Помните, товарищи, что те, кто за этот десятилетний путь оказались лишенными такого великого счастья, которое мы сейчас с вами переживаем, те, жизнь которых порвалась раньше, чем наша, те, которых мы похоронили преждевременно, так же как преждевременно похоронили нашего великого учителя Ленина, — все наши жертвы, все наши невзгоды, вся кровь, которую мы пролили, послужат великому оплодотворению той земли, которую мы с вами десять лет тому назад вышли освободить от тем-

ноты, невежества, несправедливости, угнетения и издевательства со стороны сильных всего капиталистического мира.

Да здравствует же мировой Октябрь! (Бурные аплодисменты. «Интернационал».)

*Печатается по тексту книги:
С. М. Киров. Избранные статьи
и речи (1912—1934), 1957,
стр. 449—471*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Венгерская Социалистическая Советская Республика была провозглашена 21 марта 1919 г. В результате империалистической интервенции и внутренней контрреволюции, а также предательства правых социал-демократов Советская власть в Венгрии пала в августе 1919 г.— 5.

² *Кун, Бела* (1886—1939) — видный деятель венгерского и международного рабочего движения, один из основателей и руководителей Коммунистической партии Венгрии. В Венгерской Советской Республике занимал ряд важных правительственных постов, был фактическим руководителем венгерского советского правительства. После поражения Советской Венгрии уехал в Австрию, а затем в Советскую Россию. Принимал активное участие в создании Коммунистического Интернационала и в его дальнейшей деятельности, с 1921 г.— член Исполкома Коминтерна. При хортистском режиме в Венгрии являлся одним из руководителей находящейся в подполье Коммунистической партии Венгрии.— 8.

³ *Ллойд Джордж, Давид* (1863—1945) — английский реакционный политический деятель и дипломат, лидер либералов. Будучи министром торговли в 1905—1908 гг. и министром финансов в 1908—1915 гг., играл видную роль в политике английского империализма; в 1916—1922 гг.— премьер-министр коалиционного правительства; принимал активное участие в работе Парижской мирной конференции и был одним из авторов Версальского мирного договора 1919 г.; жестоко расправлялся с рабочим движением в Англии и освободительным движением в колониальных и зависимых странах, развернувшимся под влиянием Великой Октябрьской революции; был одним из главных организаторов интервенции против Советской России и блокады Советского государства, добивался расчленения России.— 13.

⁴ *Клемансо, Жорж Бенжамен* (1841—1929) — французский реакционный политический деятель. Один из основателей партии радикалов и радикал-социалистов, активный пропагандист реваншистской войны с Германией. В 1906—1909 гг., возглавляя правительство, проводил политику репрессий против забастовок. В 1917—1920 гг., будучи председателем совета министров Франции и воен-

пым министром, фактически установил режим военной диктатуры в стране и был одним из самых ярких вдохновителей интервенции против СССР.— 13.

⁵ *Шариат* — совокупность религиозных и юридических норм мусульманского феодального права; согласно корану, проповедует покорность и терпение и узаконивает господство имущих над неимущими.— 30.

⁶ Здесь имеется в виду кровавая расправа царского правительства над рабочими золотых приисков в Сибири, в районе реки Лены, 4 апреля 1912 г. Ленский расстрел вызвал огромный подъем революционного движения в России.— 33.

⁷ *Кемаль*, Гази Мустафа (1880—1938) — турецкий политический и государственный деятель, первый президент Турецкой республики и лидер буржуазно-помещичьей так называемой народно-республиканской партии. В 1919—1922 гг. возглавил буржуазно-национальную (кемалистскую) революцию, направленную против иностранных империалистов и феодально-компрадорских элементов. С 23 апреля 1920 г.— председатель открывшегося в Анкаре великого национального собрания Турции, 29 октября 1923 г. избран президентом, в последующее время неизменно переизбирался каждые четыре года. В 1920 г. обращался к Советскому правительству с просьбой о поддержке Турции в ее борьбе с иностранной интервенцией и об установлении дипломатических отношений, 16 марта 1921 г. заключил договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией, а 17 декабря 1925 г.— договор о нейтралитете между СССР и Турцией.— 34.

⁸ Имеется в виду «*новая оппозиция*», или троцкистско-зиновьевский антипартийный блок, организовавшийся летом 1926 г. и состоявший из остатков всех разбитых оппозиционных групп. Оппозиция отрицала возможность победы социализма в одной стране, в СССР, выступала против ленинской политики индустриализации страны и социалистического пути развития крестьянского хозяйства, стремилась подорвать союз рабочего класса и крестьянства, ослабить диктатуру пролетариата и единство партии. Партия, руководимая крепким ленинским ядром Центрального Комитета, разгромила оппозицию.— 56.

⁹ *Генуэзская* и *Гаагская* конференции 1922 г.— международные конференции по экономическим и финансовым вопросам, связанным с первой мировой войной 1914—1918 гг., где наряду с представителями ряда капиталистических стран впервые принимали участие и советские дипломаты. На этих конференциях проводился нажим на Советское правительство с целью заставить его пойти на ряд серьезных политических и экономических уступок. Однако советская дипломатия сумела отстоять интересы своей страны, и все происки капиталистов потерпели крах.— 101.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	2
ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ! Речь на митинге, посвященном провозглашению Венгерской Социалистической Советской Республики, 26 марта 1919 г., Астрахань	5
МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД, МЫ НЕСЕМ СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В СВОИХ РУКАХ. Доклад на IV съезде Советов Астраханской губернии 22 ноября 1919 г.	10
МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ, ПЕРВЫМИ ВСТАВШИЕ НА ПУТЬ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ, ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА. Доклад на Учредительном съезде Советов Горской Советской Социалистической Республики 18 апреля 1921 г.	21
Рабоче-крестьянская власть установлена твердо	—
Империалистическая в гражданская войны привели к хозяйственной неурядице и тяжелой нужде	24
Советская власть на путях повой экономической политики победит разруху	26
Советская власть сумеет сурово расправиться с теми, кто попытается пойти против нее	28
Наше внешнее положение упрочилось	30
Нет сейчас такого буржуазного правительства, которое могло бы ходить спокойно, по безопасной дорожке	32
Не упуская ни одной минуты, заботиться об укреплении рабоче-крестьянского государства	36
На пути в царство социализма	38
РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК 30 декабря 1922 г.	39
ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС. Речь на открытии партийного клуба Бакинской организации 22 апреля 1924 г.	41

Провидец пролетарской революции	41
Маркс и Ленин	42
Теоретик и практик	—
Ленин и Восток	43
Империалистическая война и революция	—
Ленин — организатор партии	44
Человек и товарищ	—
Сохраним в партии душу Ильича	45
ВЕРНОСТЬ ЛЕНИНСКОМУ ЗНАМЕНИ — КЛЮЧ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ВСЕХ ТРУДНОСТЕЙ. Доклад на заседании комфракции съезда председателей уездных, волостных и городских исполкомов 19 января 1926 г., Ленинград	46
Хозяйственные задачи	—
Внешнее положение Советского Союза	51
Укрепление связей с международным пролетариатом	53
По каким вопросам спорила оппозиция с партией	56
Не за страх, а за совесть выполнять решения съезда	64
ВООРУЖЕННЫЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИЕЙ УСПЕШНО ЗАВЕРШИЛИ ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА. Доклад на общегородском собрании пропагандистов 8 октября 1927 г., Ленинград	70
Овладеть революционной теорией	—
Уметь сочетать революционную теорию с практикой	72
О значении партийного просвещения на современном этапе	74
Сделать партийную пропаганду действенной, активной	77
Поставить партийное просвещение на уровень новых задач	79
О значении партийного просвещения в деле разоблачения оппозиции	83
Четко разъяснить сущность уклонов от ленинизма у оппозиции	86
Больше внимания рабочему пропагандисту!	90
ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ — ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК СОТЕН МИЛЛИОНОВ ТРУДЯЩИХСЯ И УГНЕТЕННЫХ ВСЕГО МИРА. Речь на торжественном заседании Ленсовета, посвященном десятилетию Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1927 г.	94
<i>Примечания</i>	116

С. М. КИРОВ
МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД, МЫ НЕСЕМ СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ
ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ В СВОИХ РУКАХ

ВЫПУСК 37

Редактор *Л. Г. Барулина*
Оформление художника *И. К. Байготорова*
Технический редактор *Е. М. Сербин*
Корректоры *А. М. Денисов* и *Г. Ф. Травушкина*

Сдано в набор 26 марта 1960 г.
Подписано к печати 4 июля 1960 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3¹/₄.
Услови. печ. л. 6,15. Уч.-изд. л. 6,04.
Тираж 60 тыс. экз. А 03976. Заказ № 1491.
Цена 1 р. 40 к. (с 1/1 1961 г. цена 14 к.)

*

Государственное издательство
политической литературы,
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

*

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

~~Гр. 40 к.~~

с 1/1 1961 г. цена 14 коп.